

Женщина Дагестана

Журнал для семейного чтения

№ 4 / 2026

Одна из первых

*Это наша с тобой
биография*

Мастер

*Любовь лучшие любых
тактик*

Литературная
страница

*Порт-Петровские
записки*

Личность

Еще раз о любви

Гульнара Магомедова

Дагестанская свадьба вчера и сегодня

«Женщина Дагестана»
на русском языке
№ 4/2026

Учредитель:

Министерство цифрового развития,
информации и печати Республики Дагестан.

Главный редактор

Х. А. Шамилова j-dag@mail.ru

Редакционная коллегия:

заместитель главного редактора

С. Х. Булгаева sulgi65@mail.ru

Ответственный секретарь

Г. Х. Асадулаева musaeva_gulnara@mail.ru

Редактор русского выпуска

А. М. Бабаева aida-babayeva2012@yandex.ru

Редактор аварского выпуска

Б. Ш. Мухидинова bahu4y@mail.ru

Редактор даргинского выпуска

П. М. Сулейманова zehra.fatimat@mail.ru

Редактор кумыкского выпуска

П. Х. Хайбуллаева bike-1970@mail.ru

Редактор лакского выпуска

А. Ю. Абдурахманова delia25@mail.ru

Редактор лезгинского выпуска

Н. Н. Ибрагимова shikhnabievai981@mail.ru

Редактор табасаранского выпуска

С. М. Исрафилова suvaynat@mail.ru

Корреспонденты:

А. Тажудинова, В. Ратенкова, Р. Бакидов,
С. Эмирова

Художественный редактор

Г. А. Курбан-Адамова guleymat@mail.ru

Адрес редакции и издателя:

367018, Республика Дагестан,
г. Махачкала, пр-т Насрутдинова, 1а.
j-dag@mail.ru; zhenshina_dag@e-dag.ru

Журнал отпечатан в типографии:

ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство
«Даггосиздат».

г. Махачкала, пр-т Насрутдинова, 1а.

Телефоны редакции:

65-00-36, 65-00-37, 65-00-39, 65-00-40.

Официальный сайт

журнала «Женщина Дагестана»:

женщинадагестана.рф

Дата выхода в свет 25.08.2026 г.

Объем: 5,5 усл. печ. л.

Заказ № 0708. Тираж (2622) 467 экз.

Журнал для семейного чтения. Издается с 1957 г.
Выходит на аварском, даргинском, кумыкском,
лакском, лезгинском, русском, табасаранском
языках один раз в два месяца.

Регистрационный номер ПИ № ТУ05-00429 выдан
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

Арт-директор – М. Ю. Моллакаев (MagHazar)

Содержание

1. Слово редактора
Мода на самих себя
2. Традиции
Дагестанская свадьба вчера и сегодня
6. Одна из первых
Это наша с тобой биография
10. Мастер
Любовь лучше любых тактик
14. Наука
Искусство маленьких шагов
18. История костюма
Кавказские наряды в акварелях Макса Тильке
21. 1941 – 1945
Тот самый длинный день в году
22. Литературная страница
Порт-Петровские записки
30. Культура
О новой экранизации романа Эмили Бронте «Грозовой перевал»
34. Личность
Еще раз о любви
38. Семья
Слово отца было законом
42. Профессионал
Фемида по имени Асият
46. Наставники
Четверть века любви
50. Краеведение
Сюльтанета
54. Мой Дагестан
Песня гор

POST scriptum

57. Наука
ПИ – только помощник!
59. Литературная страница
Встреча
63. Это интересно
Храбрая пленница и благородство императора

На обложках:

I – Гульнара Магомедова, управляющая банкетного зала
«Аль-Фирай»

III – Фото Камиля Чутуева,

IV – Фото Казиахмеда Абдуханрова

Мода на самих себя

Мы живём в правовом государстве, где разрешено всё, что не запрещено законом... Однако очень жаль наблюдать за тем, как современные «модные» веяния в Дагестане совершенно вытесняют наше культурное наследие – национальный костюм. А ведь у каждой народности Дагестана (подчас и у каждого аула) были и до сих пор остаются неповторимые в своей тайнописи, созданные с безукоризненным чувством Красоты традиционные наряды.

И хотя моему сердцу дороги шали моей бабушки, а также старинные платья, которые вы порой можете на мне увидеть, я как человек светский в повседневной жизни всё же отдаю предпочтение деловому костюму. Так уж устроена современность: в её стремительном ритме мы предпочитаем практичность эстетике.

Признаюсь, большую тревогу вызывают женщины Дагестана, увлечённые тёмными покрывалами из сказочно-восточных стран, позабывшие о том, что в наших сундуках хранятся и хара, и каз, и тастар, и гульменди – те чудесные элементы женского костюма, без которых невозможна национальная идентичность. Право, ответьте искренне самим себе, не преступно ли отказываться от того, что делает нас неповторимыми, отрекаться от самих себя?

Будучи приглашённой в галерею современного искусства в Абу-Даби, где нам демонстрировали образцы золотой вышивки, на запрет фотографировать увиденное я обратилась к местным экспертам с закономерным вопросом: «А чему в вышивании золотом вы можете научить нас, дагестанцев, веками безупречно владеющих этим мастерством?» Скажу больше: иностранные собеседники с восторгом рассматривали кубачинскую вышивку, украшавшую мой наряд, и я не без гордости расшифровала им её орнамент.

Да, Рамазан Гаджимурадович был прав, когда настоял, чтобы весь истеблишмент республики облачился в национальные костюмы в День единства народов Дагестана. Таким образом он пытался пробудить в сознании своих соплеменников чувство собственного «Я».

Дорогой читатель, нам бы утверждать не во внешних атрибутах аскезы, выдающих тенденциозность чуждых нам веяний, а в традициях многовековой культуры, которую мы унаследовали и которую обязаны передать потомкам.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Xamisa Shamilova'.

Хамиса Шамилова,
главный редактор

Гульнара
Магомедова

Дагестанская свадьба вчера и сегодня

Когда-то дагестанские свадьбы, записанные на дисках, можно было купить по четвергам на базаре. Их смотрели всей семьёй, обсуждали наряды, количество гостей, музыку, танцы, а также искали знакомые лица среди сотен людей в кадре. После просмотра диск передавали соседям, чтобы те тоже посмотрели.

Спустя двадцать лет свадебный контент переместился в телефон.

Теперь мы всё так же наблюдаем за незнакомыми свадьбами – только уже через рилсы и сторис блогеров, длинные ролики в интернете, собирающие сотни тысяч просмотров.

Все это наводит на мысль, что свадьба в Дагестане – своя или чужая – всегда будет вызывать интерес. И дело здесь не только в любопытстве.

Однозначно, что дагестанская свадьба давно уже больше, чем праздник одной семьи. Это культурное явление, через которое можно увидеть, как меняется общество.

Казалось бы, ещё каких-то 20–30 лет назад приезд невесты на автомобиле считался настоящей роскошью. Чаще всего молодая пара была из одного села, поэтому невесту вели пешком, и сам путь становился частью свадебной традиции. Следом отдельно несли приданое – буквально на руках. А само празднование растягивалось на три дня, а иногда и дольше.

Сегодня приданое приезжает в дом жениха задолго до появления самой невесты, а торжество чаще укладывается в один или два дня – в зависимости от семейных традиций молодожёнов.

Таких различий можно перечислить десятки. Но интереснее другое. Свадьба как культурный процесс никогда не стояла на месте – она всегда менялась вместе со временем. И продолжает меняться сейчас.

При этом остаётся один устойчивый элемент, который не поддаётся

ни времени, ни обстоятельствам: дагестанская свадьба по-прежнему остаётся местом, куда зовут всех, кто готов разделить радость семьи. Родственников, односельчан, одноклассников, родителей, коллег, соседей, сослуживцев, иногда кажется – даже случайных знакомых. И в этом есть особая логика местной культуры: чем больше людей становятся свидетелями появления новой семьи, тем естественнее ощущается сам праздник.

И всё же сегодняшние свадьбы уже невозможно назвать одинаковыми. Если раньше при организации торжества следовали понятному алгоритму, то сейчас каждая пара старается сделать этот день во всех смыслах запоминающимся. Появились приглашённые танцоры, сурпризы от друзей, индивидуальные сценарии от ведущих, новые подходы к оформлению и атмосфере.

Изменился даже взгляд на само пространство. Жаркие июльские свадьбы, где главным испытанием становилась не программа вечера, а температура воздуха, постепенно уступили место залам, где комфорт

продуман так же тщательно, как и оформление.

Кстати, здесь также интересно наблюдать за тем, как меняется сама логика праздника. Сегодня гости, возвращаясь домой после свадьбы, всё чаще обсуждают не только то, насколько вкусно приготовлено и красиво было всё организовано, но и то, насколько комфортно им было провести этот день.

Мы поговорили с Гульнаррой Касумовой Магомедовой – управляющей банкетного зала «Аль-Фирай» – пространства, через которое ежегодно проходят сотни семейных историй. По её словам, распространённое мнение о том, что свадьбы становятся более камерными, не совсем соответствует реальности.

«Иногда кажется, что большие традиционные свадьбы уходят, но это не так. У нас самый большой зал в Дагестане, и всё чаще приходят молодожёны, которые приглашают около тысячи гостей. Для небольших мероприятий, например, мавлидов, выбирают наш малый зал – там комфортно размещается до двухсот человек. А торжества с музыкой, танцами

по-прежнему проходят в основном зале, и их количество остаётся стабильным, как и несколько лет назад».

Это, пожалуй, очень точно описывает современную дагестанскую свадьбу. Сегодня молодожёны и их родители приходят не только за красивым интерьером. Они задают другие вопросы: хватит ли места всем гостям, будут ли отдельные комнаты для жениха и невесты, где смогут отдохнуть родители, насколько комфортно будет старшим родственникам?

«Раньше было достаточно, чтобы локация выглядела красиво. Сейчас молодожёны выбирают комфорт. Часто слышу, что людям важно наличие генераторов – летом в Махачкале это уже не просто дополнительное удобство, а часть спокойствия в такой день. Мы стараемся думать об этом заранее и предлагать решения, которые действительно облегчают подготовку и организацию самого яркого дня в жизни», – рассказала Гульнара Магомедова.

Но, что интересно, при всём масштабе, сложных декорациях и желании впечатлить гостей в памя-

ти остаётся совсем иное. Когда мы спросили Гульнару Касумовну, какая свадьба запомнилась ей больше всего, она ответила так: «Кажется, что в нашем банкетном зале было всё: лучшие национальные костюмированные номера, невероятно красивые живые цветочные композиции, сложные световые решения и многое другое. Но если говорить о самой запоминающейся свадьбе, то больше всего мне вспоминается одна недавняя, где жених был настолько счастливым, что казалось: кроме его улыбки в зале уже ничего не существовало. Он своим настроением затмил всё, МашаАллагь, и гости этот настрой переняли – именно такие свадьбы запоминаются больше всего. Видеть молодожёнов счастливыми – самое богатое украшение праздника, которое не идет в сравнение ни с чем».

Сложно не согласиться с Гульнарой Касумовной: никакие веяния моды не искоренят традицию и искренние эмоции. Люди по-прежнему приходят не ради фотографий. Через несколько лет редко кто вспомнит цвет скатертей или оформление стола. Зато будут помнить, кто приехал

из другого города, как отец впервые за вечер позволил себе расслабиться, как бабушка танцевала дольше всех, а мама улыбнулась, увидев наполненный гостями зал. Именно поэтому вокруг свадеб до сих пор столько внимания – и в реальной жизни, и в интернете. В них легко узнать себя. Увидеть, как меняются поколения. Как традиции договариваются с современностью. Как семьи ищут баланс между масштабом праздника и ощущением близости, которая обычно возникает только среди своих.

На видеозаписях двадцатилетней давности или рилсах нового времени мы возвращаемся к этим историям не затем, чтобы увидеть чужую жизнь. А затем, чтобы снова вспомнить свою. И убедиться: какие бы изменения ни происходили вокруг, есть вещи, которые продолжают объединять людей.

И свадьба в Дагестане остаётся одной из них.

Ася Абакарова

Это наша с тобой биография

Жизнь быстротечна, и приходит время, когда с нами остаются только наши воспоминания. Недаром представители среднего и старшего поколений, а сейчас и молодёжь, так увлекаются мемуарами. Ведь это непосредственные свидетельства истории на том или ином её этапе. Помните, как в песне: «Это наша с тобою земля, это наша с тобой биография!»?

Гуржиган Карабуттаевна Абдуллаева – Галина Караевна Караева, как привыкли называть её ещё с юности – родилась в 1935 году в селении Хурхи Лакского района. Отец её был бухгалтером колхоза, а мать Шарипат занималась домашним хозяйством. Жили, растили четверых детей, строили планы, но и их коснулся молох репрессий. В 1937 году отца арестовали, приговорили к расстрелу. Семья «врага народа» выживала как могла. Лишь в 1956 году Карабутту Караева реабилитировали, и тяжкое клеймо было снято с его родных.

В 1950 году Гуржиган окончила семилетку в Хурхи. Семье жилось очень нелегко, но мать Шарипат, видя, как

успешно учится дочь, позволила ей продолжить учёбу в райцентре – Кумухе. В 1953 году, получив аттестат об окончании школы, она поступает в Дагестанский женский педагогический институт имени Гамзата Цадасы, став одной из первых девушек района, выехавших на учёбу в столицу республики.

– Это было поистине смелое решение, – вспоминает Галина Караевна, – многие осуждали мою маму, но она отвечала: «Я уверена, дочь не подведёт».

Галина училась хорошо, была комсоргом курса, активисткой. В 1957 году её направили на работу в Паралуйскую семилетнюю школу Карабу-

дахкентского района, в которой ей было суждено провести два года.

В один из приездов в родное село Хурхи она встретила земляка из селения Иниша, офицера Зайнутдина Абдуллаева, с которым связала свою дальнейшую судьбу.

Вскоре по семейным обстоятельствам семья переехала в Грузию, в г. Болниси, Галина Караевна трудилась воспитателем в детском саду. Затем было возвращение в Дагестан и служба воспитателем группы продлённого дня в средней школе № 11 г. Махачкалы. Но Галина знала: она историк и будет преподавать историю детям.

В 1963 году педагог перевелась в школу № 34 г. Махачкалы и уже через год начала вести уроки истории. Ещё через три года её назначают завучем. В этой должности она проработала более 15 лет. В общей сложности школе № 34 героиня посвятила более полувека и ушла на заслуженный отдых в 2015 году.

После выхода на пенсию она продолжила трудиться на педагогическом поприще в ином качестве: проводить Уроки мужества, вносить вклад в организацию военно-патриотических мероприятий, вести наставничество над молодыми педагогами.

Учитель истории – человек, от которого во многом зависит, какое сложится мировоззрение у подрастающего поколения. Часто занятия Галины Караевны начинались со слов: «Урок истории – это урок гражданственности». Она одной из первых в Дагестане создала отряд активистов «Поиск», который посвятил себя установлению судеб бойцов, не вернувшихся с полей сражений ВОВ.

Герой Советского Союза Николай Подорожный был основателем и вдохновителем республиканского Движения краеведов-следопытов, впоследствии переименованного в ТОКС – телевизионные отряды краеведов-следопытов. Целью этого

движения было открыть забытые страницы истории республики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В него вошли внуки и правнуки ветеранов.

Члены отряда записывали рассказы фронтовиков, приносили из дома фотографии, писали к ним аннотации. Тогда же Галина Караевна взяла на учёт всех ветеранов, живущих в микрорайоне, приглашала их на беседы и торжественные мероприятия в школу, навещала их вместе с юными исследователями.

Отряд «Поиск» поставил перед собой благородную и трудную цель – разыскать оставшихся в живых участников знаменитого Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона, сформированного по инициативе героя гражданской войны Кара Караева, изучить его историю.

В 1942 году подразделение кавалерии, сформированное в г. Буйнакске из коренных жителей Дагестана, начало своё боевое шествие. Бойцы, сражаясь с врагом, прошли путь от Моздока до Берлина, а один из них, знаменосец Гази Омаров, на стене рейхстага написал: «Дагестанский добровольческий кавалерийский эскадрон».

15 походов совершили юные активисты под руководством Галины Караевны, разыскивая кавалеристов, навещая их. Многодневные походы приносили свои плоды.

В экспозиции школьного музея Боевой славы, созданного Галиной Караевой, представлены подлинные документы, рассказывающие о славной истории Дагестанского добровольческого конного полка. Среди них подлинник постановления Военного Совета 44-й армии о формировании по представлению обкома РКП (б) и Совнаркома ДАССР отдельного конного эскадрона. Тут же и фотографии доблестных его сынов, служивших в Гражданской и Великой Отечественной войнах – командира К. Караева,

начальника штаба М. Танкаева, знаменосца Г. Омарова, а также других бойцов...

Нельзя без трепета читать письмо, присланное к 40-летию Победы старейшим эскадронцем из селения Магар Чародинского района Шахбаном Чукановым, в котором он выражает благодарность ребятам за сохранение памяти о подвигах солдат.

«Мне 93 года, – пишет он, – несмотря на это, постараюсь приехать, чтобы увидеть своих однополчан... Мы День Победы встретили в Берлине... танцевали лезгинку у стен рейхстага».

И таких посланий в музее хранится немало.

По материалам, собранным ребятами, был организован цикл из 8 телепередач в рамках республиканского движения краеведов-следопытов: «От Моздока до Берлина», «Говорят фронтовые письма», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Они сражались за Родину» и др.

Знакомясь с музеем Боевой славы, осматривая экспозиции, названия которых говорят за себя, – «Они увидели войну», «Дорогами отцов-геро-

ев», «Отцы наших учителей на фронтах Великой Отечественной войны» и другие – ловишь себя на мысли: какая же сила духа таится в этой женщине, что смогла объединить и подвигнуть на поиск и сохранение истории не одно поколение учеников, какая способность к убеждению должна быть в ней, что выпускники этой школы, бывшие участники отряда, юнармейцы, юные дзержинцы, до сих пор поддерживают связь с любимым педагогом.

Это личность достойная, чтобы на примере её жизни, её любви к Родине, детям, родной школе, выбранной профессии воспитывать молодёжь. Стать педагогом и уметь привить любовь и интерес к своему предмету – это дар от Всевышнего!

Галина Караевна всегда находилась там, где была востребована. Основанные ею в школе № 34 г. Махачкалы музей Боевой славы и Краеведческий музей функционируют и сегодня. Во всех делах и мероприятиях по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, проводимых Галиной Караевной, активную

поддержку ей оказывал супруг, полковник МВД Зайнутдин Саруевич Абдуллаев.

В далёком 1970 году в Дагестане случилось сильное землетрясение. Весь Советский Союз откликнулся на нашу беду. Помогали чем могли – стройматериалами, одеждой, питанием, принимали детей на отдых и учёбу. Среди желающих приютить пострадавших от стихии была и Костромская область. Министерство образования республики отправило Г.К. Караеву с большой группой ребят в город Шарью. И там педагог не забыла о деятельности ТОКСа. Узнав, что недалеко от города размещаются воинские части, Галина Караевна нашла среди солдат-срочников дагестанцев и организовала встречи своих подопечных с ними.

Большое сердце Галины Карабутаевны полно милосердия. Приглашениями на мероприятия не ограничивалось общение следопытов с ветеранами Великой Отечественной и военных действий. Они посещали их семьи, не забывали и вдов. Так был создан Клуб милосердия. Как рассказывает сама Галина Караевна, в это сообщество вошли наиболее сердечные, наиболее понятливые старшеклассники. «Не голодные годы, но, тем не менее, есть люди, которые очень нуждаются во внимании, которых надо обнять, спросить, не нужна ли помощь...» – объясняла она учащимся, стараясь выстроить работу так, чтобы это принесло пользу тем, кого они посещают. А ребята чувствовали, что проявили внимание, доброту и человечность.

Эта идея увлекла её настолько, что педагог решила открыть такой же Клуб милосердия и для своих односельчан, проживающих в Махачкале. Нашла единомышленников. «Одна из них – Шамей Башировна Лугуева, замечательный педагог, добрейшей души человек. Вторая – Гюльжахра Абдулкадыровна Алиханова, благородная, отзывчивая, милосердная

женщина, – вспоминает Галина Караевна.

– Мы составили программу действий: основной нашей задачей была поддержка людей, общение с ними, проявление к ним внимания, заботы. Мы приурочивали наши посещения к праздникам: 9 Мая – День Победы, 8 Марта, Ураза-байрам. Представьте, какая радость для людей знать, что в праздничные дни их придут поздравить, их помнят, им благодарны за труд, за долгую честную жизнь...

В прошлом году Галина Караевна отметила 90-летний юбилей в кругу родных и друзей, детей, внуков и правнуков, коллег и учеников. На ГТРК «Дагестан» при поддержке заместителя главного редактора и многолетнего руководителя Штаба ТОКСа Дагестана Салама Хавчаева сняли фильм «Учитель, перед именем твоим», в котором осветили это важное событие и жизненный путь заслуженного учителя.

Её многолетний труд отмечен высокими государственными наградами: нагрудный знак «Отличник народного просвещения РСФСР» (1983), медаль Н.К. Крупской (1987), почётное звание «Заслуженный учитель ДАССР» (1990), победа в конкурсном проекте «Образование» (2006), почётное звание «Заслуженный учитель Российской Федерации» (2013), орден «За заслуги перед Республикой Дагестан» (2017).

– Знаете, – отмечает наша героиня, – моя мама, кабардинка по национальности, была глубоко верующим человеком. Она говорила, что делать добро тем, кто в нём нуждается, равносильно посещению святых мест. Главное – делать от сердца, искренне. Воспоминания об этой работе и сегодня дарят мне душевное спокойствие, чувство исполненного долга перед обществом, перед Всевышним, перед своей совестью. Я жила жизнью своей страны, своего народа.

Ажда Абдурахманова

Фироза
Панахова

Любовь лучше любых тактик

Фироза Панахова – педагог с 45-летним стажем. Её профессиональный путь начался в Махачкале, сейчас она живет и работает в Санкт-Петербурге. Наша героиня – учитель технологии. Признается, что в педагогику пришла по самой естественной причине: из-за сердечной привязанности к детям. «Моей любви хватило бы на то, чтобы удочерить и усыновить целый детдом», – говорит она.

Фироза Надировна – лауреат общероссийского конкурса «Молодые дарования России», почётный работник общего образования Российской Федерации, заслуженный учитель Республики Дагестан, а её талант в области художественного творчества отмечен многочисленными наградами на всероссийских и международных конкурсах.

– Как найти подход к ребёнку?

– Простая истина: прояви любовь – и ребёнок раскроется. В любви весь секрет. Увидев в детях талант, начинай его развивать. Без принуждения. Нельзя говорить: «Так, художники нам не нужны, начинай лепить из глины». Или: «Хочешь, не хочешь, а придется заниматься вышивкой». Такой подход ни к каким результатам не приведет. Потеряешь доверие ребенка или, что ещё хуже, закопаешь его талант. Нужно действовать иначе: предлагаешь разные техники прикладного творчества и смотришь, что «зацепит» ребёнка. Вот и вся магия.

– Сейчас вы обучаете детей с ЗПР и ОВЗ, верно? (задержка психического развития и ограниченные возможности здоровья. – Прим. ред).

– Действительно, в 2015 году я переехала в Санкт-Петербург и начала работать в коррекционной школе. Первое время было немного сложно, но опять-таки помогла любовь. И в

коррекционной школе дети готовы раскрывать свои внутренние секреты и таланты, если ты проявляешь к ним любовь, если искренне ими интересуешься. Любовь лучше любых тактик.

– Насколько тяжело такие дети встраиваются в общественную жизнь?

– Статистика, к сожалению, не очень радостная. Это тяжёлая тема. После школы они поступают в училище. И далеко не все потом смогут трудоустроиться по специальности, не каждому удастся реализовать себя в жизни. Это очень больно, обидно. Пока подопечные с нами, мы вкладываем в работу всю свою душу. Но увы, жизнь есть жизнь: отправляясь в свободное плавание, не все находят свой берег.

– Когда вы создали свою первую коллекцию одежды?

– Я работала в Детской школе искусств № 8, когда услышала о конкурсе среди дизайнеров одежды. Я

обучала детей вязанию и подумала: «А почему бы и нет?» Директор сначала не хотела пускать нас на этот конкурс под предлогом, что нам там ничего не светит: серьёзный уровень, мощная конкуренция, нас там даже не заметят. А я с самого начала была уверена в обратном. И сказала: «Смело подаём заявку, мои дети смогут создать коллекцию, мы выставимся и уж точно не будем хуже остальных участников».

И что вы думаете? Наша коллекция вязаной одежды «Цветы и ленты» выиграла Гран-при. На показ мод пригласил Вячеслав Зайцев, он был приглашён в качестве почетного гостя. Дизайнер был удивлён, что школьная группа с помощью учителя смогла создать такое. А для меня в этом не было ничего удивительного, я верила, что у нас всё получится. Наша коллекция объездила пол-Европы, становилась лауреатом нескольких международных конкурсов. А недавно получила серебряную медаль от Международной академии современных искусств.

– *Как долго вы работали над ней?*

– Год. Для такого объёма работы не так уж и много. Мы прошли с ученицами весь путь: от задумки и эскизов до воплощения наших идей в виде готовой одежды. Это был очень увлекательный процесс.

– *Ученицы часто предлагали свои идеи или они полностью полагались на вас как на преподавателя и просто выполняли ваши поручения?*

– Конечно же, включенность учеников в проект не ограничивалась простым выполнением поручений. Ученицы часто делились со мной своим видением, предлагали разные идеи, и мы их всегда обсуждали. Будущие дизайнеры должны уметь представлять свои задумки. В этой профессии не обойтись без хорошей фантазии.

– *Какая была концепция?*

– Мы хотели создать практичную одежду, доступную людям. Одежда премиум-класса завораживает, она всегда выглядит изящно, однако есть одно большое «но»: она далеко не всем по карману.

– *Ещё создавали какие-нибудь коллекции?*

– Да. К примеру, серию «Хлоя». Она тоже объездила пол-Европы, участвовала во всероссийских и международных конкурсах и фестивалях. Ей, кстати, Международная академия присудила золото. Ну а последняя на данный момент линейка была приурочена к юбилею нашего Гомера XX века – Сулеймана Стальского.

– *Международная академия и её без внимания не оставила?*

– Всё верно. И она была удостоена медали высшей пробы.

– *У вас в копилке, я смотрю, достаточно наград.*

– Поверьте, это не самоцель. Я просто занимаюсь любимым делом. Но то, что результат моих трудов высоко оценивают специалисты, это приятно, врать не буду.

– *Недавно вы начали мастерить кукол.*

– Да, у меня появилось и такое хобби. Вдохновителем стало интернет-пространство. Я увидела мастер-класс по созданию кукол, и мне стало интересно попробовать себя и в этом виде творчества. Начала с простенького – с изделий из гофрированной бумаги. И получила золотую медаль от Международной академии современных искусств. А сейчас создаю авторских кукол, облачённых в праздничные костюмы народов Дагестана.

– *Их можно где-то приобрести?*

– Нет, я их не продаю. Я увлеклась изготовлением кукол недавно, поэтому о них пока знают меньше, чем о моих коллекциях одежды. Но когда узнают, говорят: «Фироза Надировна, негоже это скрывать, нужно выставить».

В июле в Махачкале состоялась моя персональная выставка. Ещё я сотрудничаю с городской библиотекой в Петербурге – туда меня часто приглашают представлять работы. К примеру, в прошлом году во время Фестиваля национальных культур

была размещена экспозиция «Поэзия народного костюма Фирозы Панаховой», как раз демонстрирующая мою подборку авторских кукол. Вообще я люблю принимать участие в различных городских мероприятиях.

– *Можете рассказать об одном из них?*

– Последние несколько лет я активно вовлечена в проект «Дни толерантности в Петербурге». Поскольку это город многонациональный, я решила каждый год знакомить своих детей с этническими группами, которые проживают в северной столице. Начала с дагестанцев – по очевидным причинам. Благодаря моим талантливым соотечественникам мы устроили целую концертную программу, куда вошли танцевальные номера, викторины, песни, дегустация блюд, выставка дагестанских оружейных и ювелирных изделий. На следующий год я рассказывала об азербайджанцах, ещё через год – об осетинах. Собираюсь продолжать в том же духе.

– *Поскольку часть нашей беседы была посвящена детям, которых вы воспитываете как педагог, под конец интервью я прошу вас рассказать о ваших родных детях.*

– У меня один сын, он женат и у него трое детей (сын и две дочки). Двое из моих внуков занимаются тхэквондо и уже получают награды. Как-то раз внук подходит ко мне и говорит: «Бабуля, я тебя по количеству медалей скоро обгоню» (смеётся).

Когда сын учился в Махачкале, я его приобщала к культуре. Он окончил студию танцев «Лезгинка», был солистом ансамбля «Акташ» и выступал с ним во многих странах. Женился и в статусе папы отошёл от этих дел. Но, думаю, годы культурной жизни положительно сказались на его характере и складе ума.

Руслан Бакидов

**Абай
Максумова**

Искусство маленьких шагов

Абай Максумова – молодой учёный, кандидат химических наук, старший преподаватель кафедры физической и органической химии ДГУ, обладательница премии для женщин в сфере науки «Колба» – делится своими мыслями о нанотехнологиях, Нобелевской премии и... Пожалуй, здесь мы остановимся и передадим эстафету тебе, дорогой читатель!

– С чего всё началось?

– Родом я из села Хамаматюрт Бабаюртовского района. Здесь же я отучилась в средней школе № 2. Интерес к естественным наукам начала проявлять довольно рано. Дома бабушка, физик-математик, стимулировал решать задачи, а бабушка-филолог привила любовь к чтению, научила придавать форму своим мыслям.

На уроках физики мы проводили эксперименты, а по химии их почти не было. Мне не хватало именно практики. Поэтому я решила восполнить этот пробел и подала документы на химический факультет.

В выпускном классе нам организовали экскурсию в ДГМУ и ДГУ. В последнем меня встретили очень радушно. Я поняла, что это то самое место, где я бы хотела остаться.

– Как ты пришла в науку и нашла своего научного руководителя?

– На втором курсе профессор Сарихат Джабраиловна Татаева, читавшая лекции по аналитической химии, объявила о наборе в лабораторию. Мы с ней поговорили, и впоследствии она пригласила меня.

Спустя некоторое время, уже в магистратуре, мне захотелось попробовать себя в другом направлении. Это совпало с периодом, когда профессор

Ильмутдин Магомедович Абдулагатов запускал свою научно-исследовательскую лабораторию атомно-слоевого осаждения. Долгое время мы группой притирались друг к другу, набивали шишки. Из Соединённых Штатов Америки прибыл Азиз Ильмутдинович Абдулагатов (доктор химических наук, сотрудник Университета штата Колорадо. – Прим. ред), который обучил меня и ребят основам технологии. В итоге я продолжила работу в магистратуре, а затем и в аспирантуре.

Моя кандидатская диссертация «Молекулярное наслаивание тонких плёнок оксида молибдена, смешанных титан-молибденовых и алюминий-молибденовых оксидных плёнок и их характеристика» была защищена в Санкт-Петербургском государственном технологическом институте в феврале 2024 года.

На сегодняшний день у меня 47 научных публикаций, 16 из которых изданы в международных журналах, входящих в базы Scopus и WoS.

– Расскажи нашим читателям, что такое «атомно-слоевое осаждение»?

– Это технология получения наноплёнок. Есть установка с вакуумной камерой. Мы помещаем туда предмет

(например, кремниевую подложку, стекло, хирургический имплант). В камеру по очереди подаются реагенты. Они вступают в реакцию прямо на поверхности предмета, и там растёт наноплёнка. Задача – подобрать реагенты, чтобы плёнка получилась нужного состава и проявляла определённые свойства (защитные, антибактериальные, теплоизоляционные).

– Какое применение разработки вашей лаборатории нашли в медицине?

– Мы сотрудничаем с коллегами из ДГМУ. Как-то они обратились к нам с просьбой нанести покрытие с антибактериальными свойствами на хирургические грыжевые сетки. Эксперименты на животных показали, что сетка приживается, не нагнаивается, не мешает росту и развитию. Сейчас мы пробуем наносить такие покрытия на ортопедические и стоматологические импланты, рассасывающиеся шовные материалы и перевязочные средства.

– Есть стереотип, что наука – «не женское дело». Как бы ты это прокомментировала?

– Недавно мне вручили премию для женщин в сфере науки и технологий «Колба». Я была и на церемонии награждения. Признаюсь, изначально думала, что погружение в исследовательскую деятельность не позволяет сосредоточиться на семье. Но это не так! Среди лауреатов «Колбы» – матери-героини! И это прекрасно! В науке, как и во всех сферах, результат зависит от личных качеств, а не от пола.

– Ты являешься участником просветительского проекта ДГУ «С наукой в сёла». Каково работать в школах отдалённых уголков республики?

– Детям очень интересно проделывать опыты. Но в горных районах ребята порой зажатые, молчаливые. Их нужно растормошить, чтобы они начали задавать вопросы. В конце концов нам с командой удавалось вовлекать их в процесс. Это прекрасный

опыт для меня! И я поняла, насколько значима роль просвещения.

– А что бы ты изменила в преподавании естественных наук в школах?

– Во-первых, в горах существует проблема нехватки педагогов. Нужны более привлекательные условия (жильё), чтобы программа «Земский учитель» работала гораздо эффективнее. Во-вторых, катастрофически не хватает реальных экспериментов. Лаборатории практически не функционируют из-за дефицита необходимого оборудования и реагентов. В-третьих, мало кто из школьников в районах планирует учиться дальше. Их нужно агитировать. Возможно, мы упускаем самородков – ребят, которые просто не верят в себя и которым мы можем помочь в реализации потенциала.

– Ты вошла в Координационный совет по делам молодёжи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте РФ. Задумывалась об инициативах, которые хочешь предложить?

– Для меня включение в Совет случилось неожиданно, но сейчас я вхожу в курс дела. Как молодой учёный я хочу заняться поддержкой своих коллег: поднять вопрос о мерах соцподдержки, жильё, финансах.

Ещё одна, на мой взгляд, острая проблема – небольшое количество бюджетных мест (а порой и их отсутствие) в аспирантуре. Я подумала: может быть, сделать сетевую аспирантуру по Северному Кавказу? Если в университетах нашей республики мест нет, взять их в соседнем вузе и взаимодействовать дистанционно.

– Какой прогноз на 5–10 лет для дагестанской науки? Ждать ли нам нобелевских лауреатов?

– Чтобы получить Нобелевскую премию, нужно работать в группе мирового уровня. В Дагестане мы только движемся к этому. Но я вижу большой приток молодёжи в есте-

ственнонаучную область. Сегодня поступающих в аспирантуру гораздо больше, чем это было несколько лет назад. Подчеркну и значимость личности научного руководителя, являющегося центром притяжения.

А что касается перспектив – у Дагестана на ближайшие годы они блестящие!

– Можно ли ваш коллектив назвать «научной школой»?

– Я считаю, школа – это когда существуют понятия традиции, системности и преемственности. У нас это уже сложилось: каждый приходящий утром на работу знает, что делать, есть внутренняя самоорганизация. И да, наш руководитель, Ильмутдин Магомедович, сделал всё, чтобы поставить работу на рельсы. Мы действуем сплочённо. И возможно, скоро у меня появятся свои аспиранты.

– Как ты проводишь свободное время?

– Я отдыхаю от гаджетов, от общения, от мыслей. Люблю погулять в одиночестве или побыть дома, когда никого нет. Если чувствую, что выгораю, беру перерыв на неделю. Коллеги в такие моменты не давят, оставляют в покое.

– Что важнее для успеха в науке – талант или ежедневный кропотливый труд?

– Скорее их совокупность, но труд превалирует. Мы при наборе студентов в лабораторию смотрим не на зачётку, а на личность: шустрый ли, быстро ли схватывает. Учим всему с нуля. Знаете, талант есть у каждого, однако его надо раскрыть. Большие результаты достигаются планомерно, не взхлёб, а благодаря искусству маленьких шагов.

Беседовала Аида Бабаева

Кавказские наряды в акварелях Макса Тильке

Некоторые историки говорят, что в начале XX века, до революции, Россия достигла высокой степени развития во всех областях, в том числе в экономическом и культурном сотрудничестве с другими странами. Интересный пример такого взаимодействия – приезд немецкого художника Тильке для работы на Кавказ.

В 1909 году директор Кавказского музея в Тбилиси, открытого ещё в 1852 г., Александр Казнаков, представил заместителю Кавказа И.И. Воронцову-Дашкову доклад, в котором доказывал историческое значение национальных костюмов народов Кавказа, необходимость их сохранения, увековечения. Он просил обязать всех руководителей Кавказского края содействовать сбору образцов костюмов на подведомственных им территориях. Были также организованы научные экспедиции. В 1910 году директор уже планировал создать атлас костюмов народов Кавказа.

Для работы над ним в 1912 году пригласили известного немецкого художника и специалиста по народным костюмам Макса Тильке. Он родился в г. Бреслау и ещё студентом Берлинской академии художеств путешествовал по Италии и Тунису. После Академии работал в Берлине, в Мадриде, в Париже. Вернувшись в Берлин, открыл первое в городе кабаре «Голодный пегас», где собиралась богема. Но уже через полгода заведение закрылось, а у Тильке появилось новое страстное увлечение – зарисовка и исследование костюмов.

Кубачинка

Аварка

И вот в 1911 году в Берлине, в Библиотеке костюмов Липперхайде при Музее промыслов, состоялась первая выставка Тильке, настолько хорошо принятая публикой, что немецкое правительство выделило бюджетные средства на приобретение его работ для библиотеки.

Пригласить Тильке на Кавказ посоветовал сам император России Николай II. И художник прибыл в Тбилиси. Сначала он планировал делать рисунки с костюмов, хранящихся в музее, а также принимать участие в этнографических экспедициях. Но практика показала сложность и непродуктивность метода рисования моделей с натуры, и было найдено другое решение: каждую модель, одетую в национальную одежду, фото-

графировали (имена многих из них известны), затем костюм покупали, и уже в мастерской художник производил полную реконструкцию. При возможности М. Тильке рисовал прямо с модели.

Участие в экспедициях дало художнику возможность прочувствовать колорит среды бытования костюмов, узнать традиции их ношения, нормы поведения людей, которые их носят.

Он создал акварельные рисунки женщин и мужчин в костюмах дагестанских народов, в том числе маленьких народностей (кубачинцев, аварцев, андийцев, тиндинцев), удин, грузин, осетин, армян, татар, азербайджанцев (шемахинцев, нухинцев), жителей Каспийских степей (калмыков, ногайцев, туркмен).

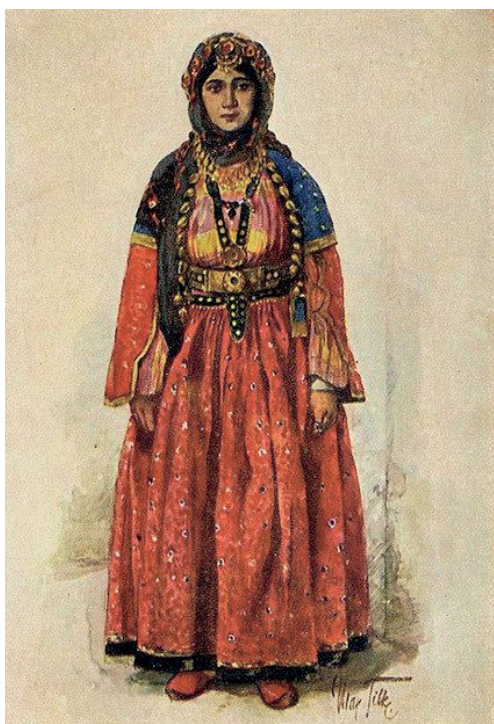

Ногайка

Но грянула Первая мировая война, которая, как все войны, разрушает культурные связи, и Тильке вернулся в Берлин, забрав с собой часть рисунков. До конца жизни он занимался исследованием костюмов народов мира.

Особенность творчества М. Тильке в том, что он не просто художник-зарисовщик, а еще и учёный-исследователь, выпустивший несколько книг и альбомов. Он стал соавтором знаменитой 5-томной «Истории костюма от древности до современности», изданной в соавторстве с Вольфгангом Бруном. А в книгу «Восточные костюмы, их дизайн и цвет» (1922) вошли рисунки, созданные на Кавказе.

83 рисунка Тильке по сей день хранятся в Государственном музее Грузии им. С. Джанашиа. Модели изображены в своей родной среде, в бытовой обстановке или на фоне

Турчанка из Нухи

пейзажа. Костюмы дополнены аксессуарами (украшения, оружие, музыкальные инструменты, домашняя утварь и пр.).

Работы Тильке имеют большую этнографическую ценность. В 1936 г. в СССР на основе этих акварелей была издана коллекция из 36 открыток «Народы Кавказа в национальных костюмах». В 2007 г. в Тбилиси опубликовали каталог «Костюмы народов Кавказа», в котором увидели свет все 83 акварели.

Благодаря акварелям Тильке сегодня мы, потомки, можем увидеть в цвете не только старинные костюмы маленьких, исчезающих народностей, оружие, украшения, но и кавказские антропологические типы того времени.

*Подготовила
Гульнара Асадулаева*

Тот самый длинный день в году

Лет 10–15 назад нашей сотруднице принесли пожелтевшую тетрадь с просьбой разобрать записи и перевести с аварского. Это были воспоминания Магомеда Саидгаджиева из с. Гадири Цумадинского района, бывшего танкиста из Прибалтийского особого округа. Он был призван в 1940 году в армию и в самом начале войны попал в плен и затем в фашистский концлагерь.

В публикуемом отрывке описывается, как началась война. 85 лет прошло с тех пор, но до сих пор больно даже читать об этих тяжелых днях июня 1941 года.

Проведя отпуск в селе, я должен был ехать обратно в часть, а добраться до железной дороги было нелегко. Тогда отец, пусть грехи его простит Всевышний, мне сказал, что обратно меня отправит через Грозный. Я согласился. И отец пошёл меня провожать, оставив дома маму, сестёр, родственников. Не доходя до местечка Хванхи, отец вернулся домой, а я пошёл дальше до С. (в рукописи неразборчиво. – Прим. ред.). Там были и попутчики. Оттуда, оказывается, ходил автобус в Грозный. На

нём приехал в Грозный, на поезде добрался до своей воинской части. Она оказалась в городе Шяуляй. Через два дня отметили мой приезд.

Там провел я несколько месяцев. Оттуда меня и ещё несколько человек перевели в танковый полк, здесь я служил в военном городке, который находился в местечке Паплака, до 18 июня 1941 г.

Ещё до получения известия [о войне] наша военная газета писала, что проклятый Гитлер стягивает войска к границе. И когда однажды дали

тревогу, подумал: уж не война ли началась? В это время наши боевые танки шли к границе в сторону немцев. Дошли уже вечером, остановились в лесу, и командир полка сказал, что если немцы стягиваются к границе, мы тоже не должны спать, поэтому мы двигаемся туда.

Утром, когда поднялись по тревоге и двинулись, младший лейтенант Касимов мне сказал, что меня надо будет оставить здесь на развилке дорог регулировщиком: «Все танки и машины с серийным номером нашего полка направляй по этой дороге, а танки и машины с другими номерами – по другой дороге». С таким указанием дали мне два флажка и остановили, чтобы потом я приехал с последней машиной санбата.

Началось движение танковой дивизии из Латвии и других частей. На этой развилке я оставался до трёх часов ночи. Машинам и танкам не было счёта. Потом я сел в машину санбата нашего полка и догнал свой полк 21 июня 1941 года. До немецкой границы – 15 километров. Это была ночь на субботу 1941 года.

Утром 22 июня начали немцы беспорядочно стрелять из орудий и миномётов. Тайно, без объявления войны, фашистская армия напала. Отступая на своём танке, мы видели много немецкой пехоты и танков.

Доехали до моста через небольшую речку, и когда проезжали мост, раздалась пулемётная очередь: механик-водитель был ранен в плечо, радиста Ивана Косука убило, танк остался стоять на мосту. Тогда командир машины Халаленко приказал мне выйти через люк, разведать, где пулемётная точка, и уничтожить.

Долго я не мог даже вылезти, наконец, я выбрался из танка с гранатами и пистолетом и ползком стал пробираться к реке. Справа стрелял наш пулемёт, слева – немецкий. Наткнулся на наших солдат-новобранцев, которые еще даже присягу не приняли. Я спросил у них, где пулеметная точка, они не знали, да это и невозможно было понять. Пройти через мост тоже

невозможно. Казалось, стреляли из-за двух больших дубовых деревьев.

Тут подполз наш замполит Макаров. Он, оказывается, увидел издали эту пулемётную точку. Дал мне особый приказ: сказал, что пулеметная точка на этом высоком дереве, под которым мы стояли, и приказал, чтоб я снял её. У меня волосы стали дыбом. Когда я спросил, каким образом я сниму пулемётную точку, он сказал: «Гранатой».

Залез я на дерево. Обнаружил, что там специальная будка, и видно, что оттуда стреляют по танку на мосту. Я решил полезть еще выше. Полез еще на 4–5 метров, держась левой рукой за ветку. Шум листвы и качающиеся деревья помогли мне незаметно для врагов взобраться на дерево. Бросил я гранату, и их будка упала мне на обе руки, раздались страшные крики, оказалось, там были двое в гражданской одежде, у них было две-три мины, которые взорвались, и живого места на них не было. Несколько царапин на лице я тоже получил; все дерево сверху донизу, кроме той ветки, где я сидел, было перебито. Больше часа я не мог слезть с дерева. Замполит обещал мне награду.

Отступая оттуда на танках, дошли мы до Латвии, до г. Риги, нам навстречу шёл другой танковый полк. Там в уличных боях наш танк подбили немецким огнём, командир машины был ранен, нам выдали карабины, и начались уличные бои. Три раза попали в рукопашный бой, в четвёртый раз возле одного магазина я в штыковом бою встретил двух фашистов, один ударил штыком, и чтобы удар не попал в живот, я подставил плечо и был ранен, из-за этого я не смог левой рукой ударить ружьем и упал. На моё счастье, тут подбежали двое наших солдат, матросов, один ударил немца штыком сзади насквозь, и тот упал передо мной, от злости я ещё рукояткой винтовки дал по зубам. Матрос спросил, не ранен ли я, и когда я сказал, что нет, крикнул, чтоб отступал.

Потом я перевязал плечо. Пользоваться ружьём и штыком я не мог, так как плечо мое было проткнуто до кости, поэтому я взял пистолет, гранаты, а ружьё выбросил.

Город Рига три раза переходил из рук в руки. Наконец, нам пришлось его оставить, не было и командного состава, чтобы руководить нами. Когда в последний раз оставляли город, нашли в танке солдат – убитых, раненых; там был майор, раненный в руку, он сказал, что мы в окружении, что немцы уже в Белоруссии. Поэтому если получится – прорываемся, если нет – будем, пока живы, сражаться. «Если среди вас есть танкисты, встаньте», – приказал он.

Я поднял руку и вышел, не думая о больном плече, намереваясь сражаться до последнего. Перевязав туго рану, встал за пулемёт. Запаса патронов было достаточно, а вот солёнки – мало. Оттуда двинулись к Вильнюсу.

По дороге слышали: из ямы звал на помощь старший лейтенант пехоты. Мы остановились там и осмотрели его. После подрыва на минах он потерял одну ногу, а вот другая висела. Лёжа в луже крови, завернувшись в свою шинель, он просил пить. Воды у нас с собой не было. Увидев недалеко болото, я подбежал и набрал в каску воды для него.

Раненый сказал, что мы ничем не можем ему помочь, так как движение ускорит его гибель. «А вы уходите отсюда, вам навстречу уже немецкая армия идёт, у них много силы. Чтобы я не зря погиб, – попросил он, – принесите ящик с гранатами с подводы, которая перевернулась в ста метрах. Капсулы лежат в моей полевой сумке. Принесите их тоже».

Мы положили рядом с ним гранаты и капсулы. Ещё он попросил закидать его ветками, чтобы остаться незамеченным. И пока он не прикроет нас, просил не стрелять.

Мы завернули за холм. Когда на краю одного леса, в перелеске, прятали танки, началось движение немецкого мото-механизированного полка по дороге из Вильнюса в Ригу.

Я перевязал рану на плече. Мы стояли в мелком лесочке, на возвышенности, чуть дальше через дорогу было болото.

Лежавший в канаве лейтенант пропустил мотоциклистов; потом пошли одна за другой машины с прицепленными орудиями. Они не ожидали нападения. И тут лейтенант начал бросать гранаты. Две-три машины перевернулись, остальные остановились. Тут уже и мы начали стрелять из пулемёта и орудий в этих проклятых. Даже о раненой руке я забыл в тот момент. Не давая им развернуться в нашу сторону, мы уничтожили много солдат и техники.

Потом мы повернули танки в лес. Лес оказался густой, на танках передвигаться было невозможно. Долго кружили по местности, потом вышли на небольшой хутор. Мы стали там расспрашивать, есть ли тут немцы. Нам ответили, что на этой территории везде немцы и что мы окружены.

Мы решили двинуться на восток: прорвёмся – прорвёмся. Не прорвёмся – погибнем. У двух танков закончилось дизтопливо, мы поделили топливо поровну, но и оно закончилось. Потом спрятали танки и стали ждать до вечера. Вечером попытались выяснить, нельзя ли достать топливо. Ничего не достали.

Потом наш командир старший лейтенант Захаров сказал: «Дорогие товарищи. Теперь мы с этими танками из окружения не вырвемся. Давайте сделаем так. Есть приказ не оставлять при отступлении врагам исправные машины, танки, снаряды. Поэтому надо испортить машины. А мы пешком, кто как может, пойдём искать свою армию».

По его приказу мы двинулись; ходили, кружили. Раненое плечо опухло, идти уже не мог, ни поест, ни попить не было. Я отстал, теряя сознание, приходил в себя. Когда очнулся – вокруг немецкие солдаты. Так я попал в плен...

*Подготовила
Гульнара Асадулаева*

Порт-Петровские записки

А мы продолжаем читать Махачкалу как текст: «Порт-Петровские записки» поэта Алана Мусаяева, вот так, символически, продолжают «Письма к Бэт» Тимура Магомаева, опубликованные в прошлом номере «Женщины Дагестана», при том, что авторы ещё не знакомы. Мы же заложили основу для этой «встречи» здесь.

Когда город меняет имя? Где эта точка невозврата – граница, разделяющая прошлое и будущее, дом и чужбину, «Я» и «Ты»?

Сегодня мне ничего не нужно было делать. Я так решил по пробуждении. Но чем-то заняться всё же хотелось. Видимо, от преждевременной старости, латентной депрессии или чувства подкрадывающегося ко мне одиночества я ещё со вчерашнего вечера понял, что мне не хватает просто протереть свою обувь мокрой тряпкой, и поэтому выйти мне как минимум стоило, чтобы купить так называемую обувную косметику. Пенки, гели

и бальзамы нужны не только для вашей потрескавшейся от холода кожи, но и для кожи животного, которое убили, содрав шкуру и сделав из неё обувь, которую вы носите. У людей вообще особенное отношение ко всякому, что было умерщвлено. Это у нас и в тарелке, и на ногах, кто-то даже на груди носит.

Наушники. Аукцион. И вот я вышел в город, знакомый до слёз, до прожилка, до детских припухлых

желез и всё в таком роде. Очень мандельштамовское небо над головой. Неживое, ухмыляющееся, но никаких игрушечных волков поблизости – всё настоящие. Играла «Птица». На кого я больше похож в глазах оконной рамы: на кого-то ненужного или на птицу? Впрочем, птицы в этом городе тоже никому не нужны.

Хотел купить всё в одном специализированном магазине. Оказался слишком безденежным для таких авантур. Оставшуюся половину дня слонялся по городу. Я был голоден и всё ещё желал найти то, что мне нужно. Поэтому удивительно часто поднимал свою голову, ища глазами всё, что приблизительно напоминало бы мне о еде или обуви. Везде была мертвечина.

Увидел, как из оружейного магазина с чрезвычайно довольным видом выходила тучная женщина в платке. Всё-таки, помимо своей невыносимости, Петровск бывает ещё и загадочным.

Я сел поесть. Это была безымянная шаурмечная возле второго рынка со вторым этажом, где посетители, собственно, и усаживались. Я попросил сделать шаурму значительно больше обычного размера. Перед тем как отдать мне яства, шаурмист спросил меня, осилю ли я. На мой положительный ответ он возразил:

– Ну посмотрим, как ты будешь спускаться!

Я спустился, решив не говорить ему, что не наелся. Шаурма была невкусная. В ушах всё ещё играл Аукцион.

Практически все обувные мастерские существуют как анахронизм. Где-то совершенно нет освещения, а где-то по радио звучат новости. Кажется, что время там давно перестало течь. Этакая СНГшная Венеция. По крайней мере, такая же смертельная. Если бы Бродский уехал в Дагестан, то вместо венецианских строф

мы бы получили обувные. Что-то про запах клея, сигарет и приближающегося туберкулёза.

В конечном счёте нужные мне средства оказались в двухстах метрах от моего дома. На обратной дороге услышал, как груша для биття зазывала всех прохожих измерить свою силу. Как будто одним только существованием своим она не собирает вокруг себя голубиную стаю юношей с рассеянными в пространстве взглядами. А ещё они носят кепки и барсетки. И я совершенно не понимаю, почему эти люди так любят сочетать чёрный с другими цветами. Траур в Петровске стал универсальным, эклектическим.

Снова трупы.

В последние дни декабря город становится ещё невыносимее. Почему Петровск, а не Махачкала? И действительно: как его ни называй, от такого количества людей только повеситься и хочется. Опять мертвечина.

Порт-Петровские записки. Ровно год.

Прошёл ровно год с нашей последней встречи. Я завидел тебя издали: ты несла мне какао и, как обычно, не могла долго смотреть мне в глаза. Мы сели на лавочку и принялись за наше любимое дело – молчание. Это было не то едкое и пожирающее молчание, не заглушаемая тишина, но блаженное отсутствие необходимости в словах. За нас и о нас говорил целый город, который тогда назывался по-другому. Ты собиралась улететь в Ниццу на пару недель.

И если бы я только мог знать, что тогда... Впрочем, не мог.

Несколько дней спустя мои друзья написали мне, что хотят приехать ко мне в мою родную столицу. Их решение казалось мне странным, так как «прогуляться» по ней не захочет ни один здравомыслящий человек.

В итоге приехал только Шамиль, но он сказал, что его визит далеко не спонтанное решение – он здесь, чтобы передать мне твоё письмо. Мы зашли в ближайшее кафе, сели за столик и заказали какую-то глупость, выбирая только потому, что заказать что-то нужно: наггетсы, чай и плитка шоколада. Шамиль положил письмо на стол, официант принес заказ, а я пошёл мыть руки. Посмотрев на отражение в зеркале, я невольно подумал:

– Порт, – так я называю нашу музыкальную группу, – теперь обязательно должен поехать в мировой тур.

Наивная и забавная мысль значила, что я всё понял ещё до того, как прочёл письмо. Ещё до того, как Шамиль приехал. Ещё до того, как мы сидели с тобой на лавочке тем утром. Тем проклятым утром.

Тем утром, когда я провожал, а ты прощалась со мной и нашим городом. Тем утром, когда судьба была к тебе безжалостнее, чем к кому-либо. Тем утром, когда в момент твоей самой страшной нужды во мне я, как дурак, спешил на экзамен. Тем утром, когда ты, прощаясь на перекрестке, сказала, что любишь меня. Тем утром,

после которого Махачкала перестала существовать, и на её место пришел Петровск.

С того дня я лишился родины. Вернее, родина отвергла меня. Любимый город сжал меня в своих озверевших ладонях. И до сих пор держит, не ослабляя смертельную хватку ни на секунду.

Если мы понимаем слово любовь только потому, что мы когда-то были любимы, то кто научил нас так отчаянно любить? Кто вложил в наши неприкаянные души это чувство? Может, мы сами положили его в души друг друга? Немыслимо.

И снова Мандельштам смеётся надо мной. Опять его строки стали моей реальностью. В Петер... Нет, не так!

*В Порт-Петровске мы сойдёмся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем...*

И может быть, город опять станет называться «по-старому».

Ну, а экзамен я в тот день не сдал.
30 декабря 2024 года.

Порт-Петровские записки. Кошка

Февраль. Площадь. Местами даже красивая, просторная и вся в лучах зимнего солнца (или как мне теперь его называть?). Когда она просто площадь, без сцены, каруселей и ёлки, она мне нравится. Я даже готов закрыть глаза на Ленина, которого и так никто не замечает. Теперь это не памятник, а место сбора скейтеров. Клубятся вокруг исполинской статуи, прыгают и падают, встают и прыгают снова, а зимой пропадают. Такие у нас в Петровске голуби.

У меня появились лишние 20 минут, поэтому я решил зайти в маленькую кофейню, в которую заходил вчера. Мне нравится отсутствие присущего многим заведениям города псевдопафоса и лоска, который

подкрепляется такими же псевдопафосными посетителями, от которых меня страшно воротит. Я принимаю любой человеческий недостаток, но не выношу претензии на важность от идиота. Особенно от Порт-Петровского идиота. Мне некомфортно находиться в местах, где эта претензия материализуется настолько, что рябит в глазах.

Перед тем как войти, я услышал, как какой-то мужчина вдалеке выкрикивал несвязный набор гласных. У него была странная походка, а в руках он держал баклажку. Я смотрел на него, уже открыв дверь в кофейню, и не понимал, какую эмоцию выражают эти звуки. Но от каждого его возгласа внутри что-то сжималось.

Я взял самый обыкновенный чёрный чай по самой необыкновенной для него цене, десерт из рисового теста и сливочного крема и уселся на небольшой диванчик. В кофейню забежала кошка, ещё вчера приходившая ко мне ласкаться. Она запрыгнула на диван и легла возле меня. И вдруг мне стало страшно, что она уйдёт. Никогда ещё я не испытывал такого детского ужаса. Это ужас ма-

лышей, проснувшихся и не увидевших рядом маму, думающих, что она больше никогда не вернётся. Я готов был схватиться за неё и держать, держать, держать, пока это чувство не пройдёт. А кошечка положила голову мне на ногу и легонько вцепилась когтями в брюки, будто тоже боялась, что я уйду.

Я понял, что в этой бесконечно лияющей кошке с грязными, холодными лапами и больными глазами сохранилась родина. Только в ней. Это была Махачкала, исчезнувшая без единого слова. На эти двадцать минут я наконец-то оказался дома.

Когда время пришло, я встал, а она продолжала лежать на этом обшарпанном и совершенно безвкусном диване, который теперь мне стал дорог. Я не хотел уходить. Я не хотел прощаться. Точно так же не хотели прощаться Бродский и Довлатов, Иванов и Набоков. И точно так же не хотела прощаться... Теперь я понимаю.

Наверное, стоит заходить туда почаще.

13 февраля 2025.

Алан Мусеев

Приложение к «Порт-Петровским запискам»

...И маяк – не маяк –
Только призрак
Впотьмах,
Только тень
С молчаливым приветом,
Смотрит вдаль
И не помнит
О тех кораблях,
Что давно затерялися
Где-то.

Аида Бабаева

Из Порт-Петровских записок. Маяк

Старый маяк – вавилонская голень столицы.
Город без имени. Город без права на жизнь.
Только светило осталось у моря томиться,
в строгом молчании и без особой нужды.
В дрейфе – твои корабли. Разлетаются чайки.
Месяц, раздетый в ночи, начинает зудить.
Капелька рядом со спутником светится ярко.
Тихо колеблется пульса небесного нить.
Ты же, укутавшись в камень, всё светишь и светишь,
но кораблям дела нет до сигналов твоих.
Так для кого же лучи? Не найдётся на свете
ни одного моряка, кто нуждался бы в них.
Верфь сухопутная, лужа утерянных судеб.
Город без имени. Город, где старый маяк
свет посылает не в море для ржавого судна,
а для людей: для него, для неё, для меня.
Солнце сжигает, а месяц безмолвием душит.
Будто бы лампа, дающая путь мотылькам,
всем неприкаянным и затерявшимся душам
светишь лишь ты, красно-белый, немой великан.

Посвящается:

*К. Ш.
М. А.
З. С.
И. Д.
А. И.*

Я по стуку колёс отмеряю свой путь.
Три-четыре, опять три-четыре.
Ни про что ни о чём отстучалось – забудь,
Только горечь всё шире и шире.

И когда тебе вдруг снова вспомнится он –
Этот гул привокзальный, – то значит:
Ты вернулся домой, он теперь заселён
Кем-то новым и им обозначен.

Как баржа́ без руля, уносящая вдаль
Всё, что было тебе так знакомо,
Всё, что дорого было. Ты просишь: «Отдай!» –
Только толку уже никакого.

Твой язык не знаком никому на борту
И походка твоя странновата.
Куда легче плывётся зашитому рту,
Чем донельзя забитому ватой.

Ну а что про меня? Не ищи меня там –
Я прирос к позабытой столице.
Я брожу по уже опустевшим местам
И рисую по памяти лица

Своих старых друзей, не успевших пропасть,
Не пришедших к началу отплытья.
Я рисую тебя, и петровская пасть
Снова мчится вокзальною прытью.

Верный пёс по жд возвращается в пять
По привычке. В вагонном пункте
Ни единой души и опять и опять
Отмеряю свои три-четыре.

* * *

Таял пломбир в ожидании тебя и стекал
Прямо на пальцы и там застывал – весь невинность.
Таяло время моё, обретая виновность
В том, что пропало, и сколько бы я ни искал –
Но не нашёл тебя, молодость, юность, нетленность.

Прямо на плитку бульвара я слышу: кап-кап –
Там, в октябре двадцать третьего, я б и остался,
Самый счастливый, читающий вслух свои стансы.
Ты улетела, а мне и не сделать бэкап –
Юность моя, я с тобою, похоже, расстался.

Старый родопский уснул, и ступеньки во мху.
Я вас не вижу, и вы на себя не похожи.
Ходит по вам незнакомый отныне прохожий.
В городе этом одна только смерть на слуху –
Смерть и тоска по тому, что в него впредь не вхоже.

Светит маяк и о чём-то мечтает в ночи,
Может, о том же, что все горожане мечтают.
Тает пломбир у кого-то в руках и стекает
Прямо на пальцы...
Но чьи они, Боже?
Ничьи.

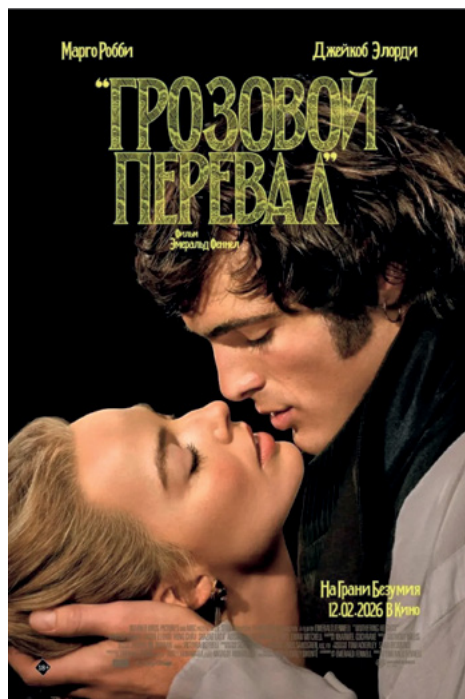
О новой экранизации романа Эмили Бронте «Грозовой перевал»

Этот единственный опубликованный роман Э. Бронте (1847) был без восторга принят издателями и также холодно встречен викторианской публикой. Но кто бы мог в XIX веке предположить, что пройдут годы, а «Грозовой перевал» станет одной из культовых книг европейской литературы. Сегодня мы можем встретить его на книжных прилавках, увидеть в руках читателей в метро, автобусах, а фразы героев охотно цитируют блогеры XXI века.

Стоит ли удивляться, что с 1920 года произведение Бронте было экранизировано 10 раз: среди режиссёров – сюрреалист Луис Бунюэль, Питер Козмински, Андреа Арнольд и др. Каждый из них постарался представить свою интерпретацию, что, согласитесь, всегда довольно сложно и даже опасно, ведь большая часть зрителей – люди, прочитавшие «Грозовой перевал» и имеющие собственные представления о его поэтике.

Спустя 189 лет после первой публикации роман вновь привлёк к себе внимание благодаря одноимённой киноленте британского кинорежиссёра Эмиральда Феннел, пригласившей для такой непростой задачи молодых и уже довольно известных голливудских актёров – Марго Робби и Джейкоба Элорди.

Представляем вашему вниманию рецензию о новой экранизации, присланную читательницей «Женщины Дагестана», поэтом и эссеистом Карой Мутаевой.

Удивительно, как роман, написанный два века назад, всё ещё продолжает будоражить читателей и открываться под новым углом. Фильм «Грозовой перевал» (2026), снятый режиссёром Эмиральдом Феннел по мотивам романа английской писательницы Эмили Бронте, неизбежно оказался в поле напряжения между верностью первоисточнику и правом на самостоятельное режиссёрское видение.

Однако я считаю, что эту экранизацию стоит рассматривать не с точки зрения точности и соответствия тексту, а как попытку выражения собственного видения. Тем не менее это не исключает того факта, что данная интерпретация очевидно уступает книге по философской глубине, которая заключается в воплощении в сюжете произведения не только безудержной силы

обладания, но чего-то метафизического, выходящего за пределы тела. В фильме же акцент сделан на телесной и эмоциональной составляющей пары, что делает её более приземлённой и осязаемой.

Итак, о фильме как о самостоятельном произведении. Картина, в первую очередь, представляет зрителям историю страсти и разрушительной зависимости с элементами эротики. В отличие от классической сдержанности, присущей Англии XIX века, фильм демонстрирует нам другую крайность, где акцент смещён, как я уже писала выше, в сторону телесной открытости, эмоциональности и агрессивности.

Сами же герои показаны не столько как сложные социальные фигуры, сколько как носители острых реакций. Их отношения развиваются по логике внутреннего эмоционального накаливания: от детского наивного притяжения к взрослой зависимости, а затем к разрушению друг друга через поглощение. В этом смысле

фильм можно рассматривать как картину о любви в изощрённом её понимании – не как гармонии, а как пограничного опыта болезненной зависимости.

Визуальный язык фильма только поддерживает это и играет ключевую роль в создании замкнутости вселенной Хитклиффа и Кэтрин. Пейзажи, свет, крупные планы – всё работает на создание ощущения камерного и изолированного мира, где чувства героев не просто существуют, а отталкиваются от воображаемых стен пространства, пронзая их самих снова и снова. Их мир лишён развития, он углубляется внутрь, не стремясь идти вперёд, становясь все более плотным и невыносимым.

Таким образом, картина «Грозовой перевал» представляет собой не столько адаптацию романа, сколько его интерпретацию. Если книга исходит любовь как сложное и почти метафизическое единство, то фильм показывает её как интенсивный разрушительный опыт.

Рассматривая картину вне строгого сопоставления с литературным источником, можно увидеть в ней цельный художественный посыл – резкий, эмоционально насыщенный и ориентированный на современное восприятие чувств.

Особого внимания заслуживает и то, как в фильме передается ощущение времени. В романе повествование выстроено через сложную систему рассказчиков, где дистанция между событием и его пересказом создает эффект рефлексии и осмысления. Читатель оказывается не внутри самой страсти, а как бы рядом с ней, наблюдая за её развитием и последствиями. В фильме же эта дистанция практически исчезает: зритель погружается в происходящее без посредников, без паузы на осмысление. Время здесь сжимается, становится плотным, почти удушающим, как и сами чувства героев. Это находит выражение и в эротическом контексте, который в фильме становится не просто эстетическим элементом, а одним из ключевых способов раскрытия отношений между героями.

Такая эротика лишена привычной романтизации: в ней нет мягкости или идеализации, напротив – она подчеркивает неустойчивость и болезненность связи героев. Телесность здесь становится продолжением их внутреннего конфликта, способом выразить то, что невозможно проговорить. В этом смысле физическая близость не снимает напряжение, а усиливает его, превращаясь в еще один виток замкнутого круга зависимости.

Такой подход усиливает эффект присутствия, но одновременно лишает историю многослойности, присущей оригиналу. Если у Эмили Бронте любовь Хитклиффа и Кэтрин переживает трансформации, проходя через память, смерть и даже некое символическое бессмертие, то в фильме она остается в пределах настоящего момента – интенсивного, болезненного и лишённого перспективы. Это чувство не развивается, оно заикливается, превращаясь в постоянное возвращение к одной и той же точке эмоционального пика.

Интересно также, как меняется восприятие самих персонажей в зависимости от медиа. В книге Хитклифф предстает фигурой почти демонической, выходящей за рамки обычной человеческой психологии. Его любовь – это не просто чувство, а сила, сравнимая со стихией. В фильме же он более «очеловечен», становится более понятным, но вместе с тем и более ограниченным. Его поступки считаются не как проявление некой иррациональной, мистической связи, а как результат травмы, страсти и внутренней нестабильности.

То же можно сказать и о Кэтрин: в литературном источнике она разрывается между социальным и внутренним, между долгом и подлинным чувством, тогда как в фильме этот конфликт во многом упрощается, уступая место эмоциональной импульсивности. Это не делает героиню менее выразительной, но меняет саму природу её выбора: он становится менее трагическим в философском смысле и более острым – в психологическом.

Таким образом, различие между книгой и фильмом можно рассма-

тривать как переход от метафизики к телесности, от философского осмысления любви к её непосредственному переживанию. И в этом нет однозначной утраты или выигрыша – скорее, это смена оптики. Фильм не столько спорит с романом, сколько переводит его на язык современного чувственного опыта, где важнее не то, что означает любовь, а то, как она ощущается.

Именно поэтому экранизация Эмиральд Феннел может вызывать противоречивые отклики: она лишает зрителя привычной глубины, но взамен предлагает иной взгляд. Это не история, которую хочется анализировать на расстоянии, а переживание, в которое зрителя буквально втягивают, не оставляя возможности сохранить дистанцию.

Капа Мутаева

Р.С. Наша редакция всегда открыта для вас: вы можете делиться своим творчеством и идеями с нами, а мы, в свою очередь, обязательно рассмотрим ваши материалы!

Разият
Курбанова

Ещё раз о любви...

Она не жалеет ни об одном прожитом мгновении. Разият Курбанова принимает свою судьбу, осознавая, что многое из того, что ей пришлось пережить, – это свыше. Но вместе с тем женщина уверена: человек способен изменить свою жизнь.

О нацпроекте и не только...

– Видите, – рассказывает Разият Джалиловна, директор Центральной детской городской модельной библиотеки № 1, обводя руками библиотечную «кухню», – каким богатством мы обладаем. Здесь созданы все условия как для любителей информационных технологий, так и для тех, кто предпочитает посидеть в тиши с книгой, насладиться Словом.

Она вспоминает, что всё началось с разработки авторского дизайн-проекта модельной библиотеки, реализуемого в рамках нацпроекта «Культура».

– Коллектив библиотеки – это влюблённые в свое дело воодушевленные люди, объединённые одной миссией, – говорит Разият Джалиловна. – Это шутливый товар, – шутит она.

– Да, у вас здесь как дома, – соглашаюсь я, восхищаясь современными информационными атрибутами.

– Новый формат библиотечного дела реализуется в рамках упомянутой выше программы, интегрированной в нацпроект «Семья». Мы одними из первых в республике стали частью этого славного начинания. А участие совместно с республиканским реабилитационным центром в конкурсе Минкультуры РФ дало библиотеке новый импульс. Ещё раньше, в 2020 году, мы приняли участие в Президентском гранте «Модельная библиотека».

Главная особенность модернизированных библиотек – создание автономных зон, где дети учатся но-

вому, получают образовательные навыки, занимаются творчеством.

Пространство познания

– У нас в приоритете социализация детей, формирование личности, увлечённой знаниями, имеющей желание преуспеть в профессии.

Модельная библиотека разделена на зоны. Компьютерный зал подключён к высокоскоростному интернету. Рядом – зона комфорта для пользователей с ограниченными возможностями: отдельный вход с пандусами, регулируемые столы для колясочников. Есть и специальный компьютер для слабовидящих и слабослышащих, соответствующая литература. В той же зоне находится мультимедийное пространство с проектором и интерактивным экраном, где каждый может посмотреть фильм, послушать музыку и даже поиграть на синтезаторе. Есть семейно-досуговая зона для детей и родителей – с книгами, мультитач-столом (стол, вместо столешницы которого установлен экран. – Прим. ред.), за которым ребёнок может играть в настольные игры. Школьники могут оставаться здесь до вечера, занимаясь по интерактивным программам. По сути, это своеобразная учебная лаборатория.

Участие в грантах позволило нам не просто пополнить библиотеку уникальным оборудованием, но и создать особую атмосферу комфорта для молодого и старшего поколения.

Разият Джалиловна делится мыслями о проекте «Библиотека

под открытым небом»: это ноу-хау расширит формат нашей работы. Во-первых, мы повысим доступность услуг; во-вторых, сформируем позитивный имидж библиотеки как активного участника городской жизни; в-третьих, создадим условия для семейного чтения и интересного досуга.

Символ достоинства

Рассказывая об особой атмосфере внутри коллектива, Разият Джалиловна проводит параллель с домом.

– Для меня важно сохранять дух семейственности. Так было устроено в доме моих родителей и в нашем с супругом доме, – отмечает героиня, вспоминая свою жизнь, которая оказалась связана с необыкновенной личностью, чье имя остаётся символом достоинства. Её супруг, Гарун Курбанов, – один из немногих, кто остался в памяти дагестанцев как духовный наставник молодого поколения.

– Вы спрашиваете, как складывалась наша семья. Гарун увидел меня

на одном из концертов народной песни. Подошёл, поздоровался, хотя, казалось бы, не обратил на меня особого внимания. Я тогда училась в Орле, в Московском филиале Института культуры, мечтала об аспирантуре. Да и замуж не собиралась. И когда пришла его бабушка к моей маме брать слово, я сказала, что мечтаю учиться дальше. А он, оказывается, предупредил – только её и больше никого. Меня долго уговаривали, – улыбается Разият Джалиловна, – упёртая я была: в замужестве не видела ничего, кроме бремени обыденности. Но всё сложилось иначе.

Семья была самой простой, Гарун работал терапевтом в лечебьединении в Каспийске, а я – в библиотеке. Моя деятельность давала возможность заниматься самообразованием. А может, по наследству мне передалась тяга к книгам: мама работала в сельской библиотеке.

Разият не думала, что семейная жизнь сложится так счастливо. Омрачало её лишь отсутствие детей, о чём однажды наша героиня решилась сказать супругу. Гарун ответил, что ему нужна она и что многие пары, близкие по духу, живут в браке без детей. Но Разият понимала: её любимый мечтал о полной семье.

– Да, наш быт в те годы был не устроен. Сначала мы жили с его родителями, свекровь работала учительницей; свёкор, кандидат философских наук, крупный религиовед, занимался наукой, журналистикой, он много лет возглавлял журнал «Народы Дагестана».

Мы строили семейную жизнь, довольствуясь самым необходимым: снимали квартиры, жили от зарплаты до зарплаты. Но это был союз близких по духу людей. Я увидела безграничное женское счастье, – с улыбкой продолжает Разият Джалиловна. – Помню наше первое приобретение комнаты в общем дворе – сколько было счастья! Там родились наши долгожданные дети.

Гармония мыслей и чувств

– Только мудрость супруга позволила сохранить семью, – признаётся собеседница. – Нам было легко друг с другом, и я всё время думала: какая же я счастливая! «Ни одна женщина не займёт твоё место», – заверял муж. Говорил, что достиг всего благодаря мне. Но я понимала, что рядом со мной неординарный человек. Он жил как дышал, ничего не боялся. Рисковал жизнью, был в центре событий в 99-м, когда формировалось народное ополчение. Публиковал острые материалы, где раскрывал природу терроризма и экстремизма. Жёстко критиковал коррупционеров, казнокрадов, превратив созданный его руками республиканский канал в серьёзный аналитический центр.

Его монографии по истории и культуре Дагестана, религиозным вопросам, об экстремизме и свободе слова в СМИ были остро актуальными, – продолжает Разият Джалилова, – Гарун знал несколько языков, прекрасно рисовал, занимался спортом. Я ценила его, стараясь быть не только женой, но и товарищем.

Как никто другой я понимала Гаруна. И в особо тревожные для него времена внушала, что только выдержка даст ему возможность объективно анализировать политическую ситуацию. Когда ничтожные завистники убеждали, что телеканал, созданный его усилиями, не нужен, он обратился к главе республики Магомеду Магомедову. Победил, отстоял уникальный канал, вещающий на семьдесят стран мира.

Муху Алиев видел в нём необыкновенный талант и считал, что республике повезло с такой крупной политической фигурой, как Гарун Курбанов.

Он был человеком на своём месте. С отличием окончил мединститут, заочно – исторический факультет,

очную аспирантуру, докторантуру МГУ, стал доктором философских наук. Ему прочили кафедру философии МГУ. Но он, патриот своего края, жил по принципу «где родился, там и пригодился». Работая в статусе министра по национальной политике, информации и внешним связям Дагестана, разрабатывал план реформирования государственных СМИ. В последующем был назначен начальником Управления информполитики и пресс-службы Президента РД.

Остался навсегда...

Знал ли он, что рискует жизнью каждую минуту? Не мог не знать. Слишком хорошо осознавал, что обстановка в республике остаётся сложной.

– Сердцем я чувствовала опасность. И мне хотелось закрыть его собой...

После его гибели в сердце прочно поселилась боль. Хотя дети наши, продолжение Гаруна, радуют меня. Старший, Ахмед, дочь Аминат, младший, Исмаил, – они так похожи на своего отца. Аминат окончила с красным дипломом экономический и исторический факультеты ДГУ, она замужем.

У меня двое внуков, а у родителей Гаруна – двое правнуков. Сыновьям – 25 и 23 года. Ахмед окончил ДГУ, он аспирант Института востоковедения в Москве. Младший работает в гостиничном секторе республики.

Жизнь прожита не напрасно. А в будущее Разият Курбанова смотрит с надеждой на возрождение горного края. Надеется, что он станет таким, каким хотел его видеть Гарун Курбанов...

Айшат Тажудинова

Гульнара
Усманова

Слово отца было законом

Гульнара Усманова трудится в Территориальном фонде обязательного медицинского страхования Республики Дагестан с момента его основания. И спустя более тридцати лет идёт на работу с радостью. Несмотря на сложную и ответственную деятельность в фонде, она и заботливая жена, и любящая мама двух прекрасных дочерей, прививающая им истинные ценности жизни, полученные ею самой в родительском доме. В интервью нашему журналу Гульнара Усмановна рассказала, кем мечтала быть в детстве, почему старшие дети нуждаются в опеке даже сильнее, чем младшие, и из-за чего она не стала работать по своему первому образованию.

– Сейчас вы заместитель начальника управления организации обязательного медицинского страхования. А кем мечтали быть в детстве?

– Не могу сказать, что у меня с детства была какая-то конкретная мечта в выборе дела жизни. Отец хотел, чтобы я стала врачом, но я решила пойти по его стопам и выбрала профессию финансиста (папино желание исполнил мой старший брат, выучившись на хирурга). Что стало причиной моего выбора? Пример отца, который является для меня идеалом во всём. Благодаря трудолюбию и ответственному отношению к работе он в жизни добился многого. После окончания школы в своём родном Табасаранском районе отправился в Москву и поступил в Торгово-экономический университет. Начинал рядовым бухгалтером, а в последующем работал в Дагпотребсоюзе, директором Курортторга,

заместителем директора Территориального фонда ОМС, министром имущества Республики Дагестан, заместителем Председателя Правительства.

– Отец растил вас в строгости?

– Мы относились с огромным уважением к родителям, опасались, что можем их огорчить, что им может что-то не понравиться в наших поступках. Слово отца было законом. Если мы вели себя как-то не так, отцу даже не приходилось нам что-то говорить, достаточно было одного взгляда. Мне кажется, в то время подобное воспитание получали все дети.

– А он поощрял вас, если вы добивались какого-то успеха? Ну, скажем, в учёбе?

– Разумеется. Отец был строгим и требовательным, но мы непременно чувствовали его заботу. Наши победы и успехи отмечались родителями.

– *А кем работала мама, если уж речь пошла о родителях?*

– Мама занимала важную должность домохозяйки (улыбается). Для нас же она не просто хранительница очага: мама умеет превратить обычный вечер в праздник, а любую беду – в небольшую неприятность, которую легко исправить за чашкой чая. Добрым словом она создавала уют, заботилась о семье и делала каждый день теплее и светлее. И продолжает это делать по сей день. Только когда сам становишься родителем, понимаешь, сколько труда и души было вложено в эту «должность».

– *Давайте продолжим «семейную перекличку».*

– Нас, детей, четверо: два мальчика и две девочки. Старший брат – врач, я – финансист, сестра – судья, а младший брат – бизнесмен. У всех уже свои семьи, дети.

– *Вы выросли в Махачкале. Родители делали что-то, чтоб вы не теряли связь со своей малой родиной?*

– Конечно. Каждый год на летних каникулах родители отправляли нас в Табасаранский район, село Ханаг, к дедушке и бабушке, для того, чтобы мы знали своих родственников, обычаи, язык.

– *Язык в итоге выучили?*

– Да, но не благодаря этим поездкам (смеется). Местные дети хотели изучать русский язык. И это мы становились их учителями, а не наоборот. Но со временем я всё-таки выучила язык и разговариваю свободно.

– *А своих детей научили?*

– Пыталась. Хотя в современных условиях это очень сложно сделать. Но надежду не теряю (улыбается), хочу, чтобы они знали свой родной язык и говорили на нём.

– *Расскажите о своих детях.*

– У меня две дочери, старшая также выбрала путь экономиста, младшая – будущий врач, учится на четвёртом курсе лечебного факультета ДГМУ.

– *Тоже воспитывали их в строгости?*

– Мне кажется, я продолжаю их воспитывать по сей день (улыбается).

– *Даже старшую?*

– В особенности её.

– *Почему?*

– Потому что старший ребёнок всегда считает себя более самостоятельным, опытным, уже смекнувшим, что такое жизнь, думает, что во всём разбирается, знает, как нужно действовать при любых обстоятельствах. Но мы, пожившие дольше, понимаем: это всё очень далеко от истины. Я стараюсь направлять её.

Мы – люди разных поколений, на многое смотрим по-разному. Но со временем дети всё равно убеждают, что родители были правы. Мы же не ставим какие-то ограничения просто ради забавы. Не выдумываем запреты, чтобы упиваться своей родительской властью. Просто мы хотим, чтобы наши дети избежали наших ошибок. Мы знаем, какие грабли поджидают вон за тем поворотом, в какую яму можно упасть, пройдя вон по той тропке. Так что в конечном счёте мы находим общий язык, приходим к точке соприкосновения.

– *Давайте немного о вашей работе. Вы здесь с момента основания фонда. Это значит, что вы нашли свое место?*

– Да, мне повезло здесь оказаться. Я быстро поняла, что я там, где и должна быть. У меня первое образование педагогическое. Я окончила факультет дошкольного образования, думала, буду возиться с детишками. Но, уже оканчивая учёбу, поняла, что это не моё. Если передо мной открывают

дверь – в какое бы хорошее место она ни вела – я туда не пойду, если буду понимать, что мне там нечего делать. Знаете, есть люди, которые мыслят: «Не моё, но раз престижно, то почему бы и не занять это место». Меня воспитали по-другому.

Оказавшись в фонде, я быстро осознала, что нашла деятельность, которой мне очень интересно заниматься. Вся наша работа в фонде направлена на развитие и качественное обслуживание населения нашей республики. Я схватывала все буквально на лету. Вдобавок меня окружали умные люди, грамотные специалисты, у которых я многому научилась. Разумеется, пришлось окончить финансовый факультет. Но вот я работаю в фонде уже больше тридцати лет и по-прежнему иду сюда с радостью. Мне становится грустно, когда я думаю, что есть люди, которые ходят на работу безо всякого желания. Это наверняка очень тяжело.

– *Вы, очевидно, принадлежите к той категории людей, которые любят работу и придут сюда даже в субботу.*

– Определённо! Видимо, мне по жизни сильно повезло. Я счастливый человек! Люблю свою работу, иду сюда с радостью, поскольку у нас дружный коллектив, который состоит из профессионалов. После работы также с радостью я спешу домой к своей семье, ведь мой дом – моя крепость, моя опора! Рядом – мои близкие и родные, которых я безгранично люблю и благодарна им за всё, что они для нас сделали. Одного прошу у Всевышнего: здоровья им на долгие годы.

Беседовал Руслан Бакидов

Асият
Магомедова

Фемида по имени Асият

Если честно, когда в редакции мне поручили интервью с судьёй из Хунзахского района, у меня коленки задрожали. Ведь судья – это же герой из другого мира. Мантия, молоток, «встать, суд идёт». А я в жизни разве только в кино видела что-то подобное. Однако позже, когда всё же решилась позвонить моей героине, на противоположном конце провода услышала неожиданное: «Девушка, не бойтесь, я стихи пишу. И рисую. Так что будет интересно». Я выдохнула. И началась самая необычная беседа в моей журналистской практике.

Асият Магомедова родилась в 1979 году в Махачкале, в интеллигентной семье. Отец – врач, мама – экономист. В доме росли четыре девочки, и, как она сама отмечает, «огромное значение придавали образованию». Но самое интересное – творчество.

В начальной школе, на первом этаже первой махачкалинской гимназии, располагался Дом пионеров. Именно там начинал свой путь легендарный ансамбль «Ватан». И Асият Камильевна с гордостью называет себя его ветераном: «Не представляю своей жизни без музыки, без национальных танцев».

«Ватан» дал ей мощную выдержку с детства – гастроли, встречи, знаменитости. В 1989 году на ВДНХ в Москве она удостоилась чести вручать цветы космонавту Мусе Манарову после его первого полёта. Представляете? Девочка из Дагестана, цветы, космонавт, слава Союза. «Сцена научила не бояться взглядов, – говорит она. – Потом на процессах не пасовала».

При этом папа очень хотел, чтобы дочь носила форму и работала в правоохранительных органах. Асият Камильевна исполнила папину мечту – поступила на юридический факультет Дагестанского государственного университета. «Слава богу, ни разу об этом не пожалела», – подчёркивает она с уверенностью.

После университета почти десять лет наша собеседница проработала секретарём и помощником судьи в Советском районном суде Махачкалы. Та ещё школа жизни: горы бумаг, слёзы, угрозы, примирения.

А в 2016 году случилось главное – Указом Президента России она была назначена судьёй Хунзахского районного суда. И это произошло в день её рождения. Подарок, которого она ждала всю жизнь.

Я спросила её: «А вы в 15 лет могли себя представить такой?» Она ответила безложной скромности: «В 15 лет я была уже очень сформировавшимся человеком. У меня три младшие сестры, родители работали, я вела дом, готовила, следила за учёбой. Поэтому да, я точно знала, что буду уверенной дамой. Судья, прокурор – неважно. Но что-то строгое и властное».

Такая осознанность в юном возрасте! И это, наверное, важнее любого диплома. А потом она призналась в том, от чего у меня сердце ёкнуло.

«На первом процессе меня охватила паника, – вспоминает Асият Камильевна. – Представляешь? Десять лет в суде, всё знаю, всех знаю. А тут своё кресло – оно тяжелее. Справлюсь ли? Компетентна ли? Смогу ли быть справедливой?» Спасла сцена. «Ватан» научил не показывать страх. Танцуеть – улыбайся. Судишь – тоже

улыбайся. Но внутри трясёт. И это, мне кажется, главное качество настоящего судьи – не отсутствие страха, а умение его пересилить.

Коснулись мы и самого необычного дела в её судебной практике. Думала, услышу об убийстве или краже века. А она: «О козах!» Я едва не выронила телефон от удивления. «Приходит ко мне дедушка из Гоцатля, – рассказывает она, еле-еле сдерживая смех. – Лицо – туча. Соседские козы, говорит, сгрызли мои абрикосовые деревья. Все до одного. Я без урожая. Хотите – поймаю одну и приведу в суд в качестве доказательства?» Асият Камильевна попросила дедушку этого не делать. Представьте себе картину: зал суда, герб, Фемида, участники процесса и коза с рогами! Доказательств, что животные принадлежали соседу, не нашлось. Решение вынесли не в пользу дедушки. «Но он уходил почти счастливым, потому что мы от души посмеялись. А когда есть смех, нет места злобе».

Я потом долго думала: вот это я понимаю – правосудие с человеческим лицом.

Мне было очень интересно узнать, как женщина-судья воспринимается в горах, где мужчины привыкли решать всё сами? Асият Камильевна ответила жёстко и чётко: «Я никому ничего не доказываю. Не соревнуюсь с мужчинами. Слабым полом женщин давно никто не считает». Никаких скидок. И, по её словам, это правильно. Потому как она хочет, чтобы её уважали за работу и только. При этом наша героиня нередко призывает к примирению: «Слово – лучшее лекарство. Стараюсь примирить стороны, и часто это получается. В горах это особенно важно – вражда может длиться поколениями».

А потом я набралась смелости и спросила то, о чём боялась даже упомянуть в начале. «Асият Камильевна, а вы плачете? Ну, когда очень жалко людей?» Она помолчала. И ответила таким голосом, что мне захотелось её обнять... «Конечно, плачу. На процессах. Слёзы сами идут, когда слышу о болезнях детей, о стариках, которых никто не навещает, о человеческой беспомощности. Не могу оставаться

равнодушной. Не могу сдерживать слёз, слушая истории». Она не рыдает в зале – она тихо утирает глаза, пока никто не видит. А потом уходит в совещательную комнату и принимает решение. «Это не мешает справедливости, – утверждает она. – Это помогает её видеть». И знаете, я ей поверила.

Разумеется, в беседе не обошлось без вопроса о ведении быта: как совместить и дела судебные, и хозяйство, и семью? Оказалось, домочадцы её очень сильно разгружают. Однако готовить и делать уборку она предпочитает сама: «Я очень люблю печь да и в целом делать что-то по дому. Привожу в порядок дом – и в голове составляю проект решения, нахожу выход из непонятной ситуации по делу». Асият Камильевна называет это «йогой для судьи».

Мы немного обсудили её гардероб. «В стиле преобладает умеренность, – делится героиня. – Хотя с годами это делаешь не потому, что надо, а потому что само так идёт: выбираешь практичную одежду... А каблуки становятся всё ниже и ниже».

Я, воспользовавшись случаем, поинтересовалась и отношениями с соседями: не держат ли они дистанцию? «Статус – это временно, – ответила она. – Добропорядочные отношения – это навсегда. Надеюсь, никто не держит со мной дистанцию. В меру своих возможностей помогаю всем – и соседям, и незнакомым людям. Счастливые глаза людей для меня – лучшая благодарность».

В конце разговора я задала два важных вопроса. Первый: три качества, без которых судья в Дагестане не продержится и года? «Терпение, настойчивость и, естественно, интеллект», – ответила она. А второй: если бы она могла придумать личный закон для Хунзахского района – не для кодекса, а для души, – что бы это было? Она немного подумала и ответила так:

*Свою судьбу связав с Фемидой,
Я к убеждению пришла,
Что надо жить на этом свете
И делать добрые дела.*

И в этих строках, мне кажется, заключена её душа. Судья, которая могла бы спрятаться за статьями и параграфами. Судья, которая имеет право быть сухой и недосягаемой. Но вместо этого говорит о добрых делах. И не просто говорит, а живёт ими. Мы привыкли думать, что справедливость – это что-то холодное, мраморное, с завязанными глазами. А она, оказывается, может быть тёплой. В мантии, со стихами в телефоне, с глазами, утомлёнными третьим за день заседанием. И всё равно – с верой в то, что доброта не слабость, а сила. Мне кажется, это лучший закон, о котором я когда-либо слышала.

Прощались мы с Асият Камильевной уже как старые знакомые – тепло и душевно.

Думаю о том, что где-то там, в горах, в Хунзахском районе, живёт женщина, которая каждый день доказывает: закон и человечность не враги. Они могут идти рядом. Если, конечно, у руля стоит тот, кто не забыл, зачем вообще всё это затевалось. Ради людей. Ради правды. Ради того, чтобы хоть чуть-чуть сделать мир добрее. И в этом – вся суть.

Я смотрела на блокнот, исписанный её словами, и думала: а ведь я действительно боялась этой встречи. Боялась судьи, а встретила просто человека. С историей. С козами. С абрикосовыми деревьями. Со стихами, которые она пишет по ночам. С такой верой в доброту.

Из разговора с ней я вынесла важный урок: справедливость – это не когда громко стучат молотком. Это когда каждый из нас пытается сделать мир хотя бы чуточку добрее.

Саният Эмирова

Светлана
Зайковская

Четверть века любви...

Такова судьба нашего края: он порой дик и опасен, он загадочен для русской души, но вот уже несколько столетий он – неумолимый центр притяжения.

Если существует какая-то иная, прошлая жизнь, то Светлана Анатольевна Зайковская была бы в ней поэтом-романтиком, открывающим этот непознанный, многоголосый, многоликий мир... И ведь когда-то она перебралась сюда из другого конца России, чтобы стать Женищиной Дагестана.

Знакомьтесь: педагог, заместитель директора по учебно-воспитательной работе гимназии № 35 Махачкалы, волонтер... и просто – наша Светочка!

– *Расскажите о знакомстве со Страной гор.*

– Я вышла замуж и переехала из Приморского края в Верхнее Гаквари – высокогорное село Цумадинского района. У меня педагогическое образование. Без работы не могу представить своей жизни, поэтому летом 2000 года я перебралась в посёлок Ленинкент Махачкалы, где находится 35-я гимназия, а её директором на тот момент была Чакар Меджидовна Меджидова – чудеснейший человек, мастер с большой буквы. При встрече с ней я выразила надежду, что стану частью школьного коллектива. Но вакансий тогда не было. И вот, расстроенная, уже на пороге, я, обернувшись, сказала, что являюсь победителем конкурса «Учитель года» в Приморском крае. А Чакар Меджидовна мне в ответ: «Я что-нибудь придумаю, только не уезжайте!» С этого дня началась моя педагогическая деятельность в Дагестане.

– *Адаптация проходила сложно?*

– Вовсе нет. Молодость брала своё... Казалось бы: незнание языка, новые

люди... Но я устроилась на работу... Меня очень полюбили все бабушки и дедушки в округе. Наверное, сказала открытость моей души. К тому же я человек позитивный.

– *В Дагестане очень крепки традиции. Что вас поразило больше всего?*

– Конечно же, такие качества, как щедрость, взаимовыручка, терпение. Здесь тебе отдадут последнее. У меня в Дагестане не было родственников, но родители моих учеников стали мне самыми близкими людьми. Случались в жизни взлёты и горе – они всегда стояли рядом. Таких людей, как дагестанцы, не существует больше нигде. Я полюбила всех искренне. Да, современные реалии (особенно после ковида) таковы, что мы реже видимся, но каждая встреча невероятно тёплая. И я считаю, что даже сейчас, несмотря на сложности с молодым поколением, человечность и достоинство в дагестанцах неиссякаемы.

– *О вас знают не только как о педагоге, но и как о человеке, который всё это время ведёт подвижническую работу...*

– Четверть века назад Чакар Меджидовна рассказала мне, что в Дагестане есть дом престарелых (мои друзья даже не поверили тогда). А он есть, и я четверть века неразрывно с этим местом связана. Посещаю его два раза в год – 1 октября (*День пожилого человека*. – Прим. ред.) и 9 Мая. Я, мои ученики и их родители готовим для наших бабушек и дедушек подарочки и концертные программы. А если вдруг задержимся, они бьют тревогу: «Где наша Светочка? Почему дети не приехали?»

Я всегда предпочитала не афишировать эту деятельность. Когда-то мне говорили: «В городе 50 школ, а почему ездите только вы?» Я отвечала: «Мне сложно объяснить. Это просто моё. И всё тут». В настоящее время желающих принять участие в благотворительности стало больше. Хорошо, если по зову сердца, а не ради картинки...

Самое отрадное – мои выпускники уже взрослыми людьми продолжают наше общее дело. Помню, во время

пандемии дом престарелых был закрыт. И в одной из социальных сетей я увидела, что по четвергам туда привозят пироги и чуду. Гляжу: на пакетах логотипы магазина «Лавина вкуса», принадлежащего одному из моих ребят. Я поняла: всё было не зря...

– *Вы также дружите с махачкалинским Интернатом № 5. Как проходят ваши встречи?*

– Это знакомство также состоялось по инициативе Чакар Меджидовны. Первого июня и в преддверии Нового года мы посещаем детишек. Стоит ли говорить, как нам рады? И как же нас поддерживают родители учеников! Они не могут дождаться этих поездок. Совсем недавно одна мамочка, находясь в декретном отпуске (с 5-м ребёнком!), нашла время и связала игрушки своими руками. Красиво упаковала. Я смотрю на это – и жить хочется!

– *Вы несколько раз в нашей беседе упомянули период пандемии. Как прошло время изоляции в Ленинкенте?*

– Это было непросто. Весь посёлок остановился. В Ленинкенте многие зарабатывают торговлей. Родители моих учеников также лишились возможности выходить на рынок, а онлайн-продаж ещё не было. Нам – учителям и другим госслужащим – в этом смысле было проще: мы стабильно получали зарплату...

Как-то моя коллега обратилась ко мне как завучу: «Мамочка одного из наших учеников перестала выходить на связь!» Я говорю: «Бейте тревогу! Вдруг там депрессия, так как нечем кормить многодетную семью...» Мы организовали штаб в школе. За ночь подключились учителя, бывшие ученики, спортсмены. Закупили продукты с запасом. Потому что знали: зайдешь в один двор к ученику, а там ещё бабушка с дедушкой живут рядом. Так оно и получилось. Мы развезли огромные пакеты с мясом и самым необходимым. Весь посёлок проснулся. Сколько же я увидела слёз благодарности... Мы справились сами.

– Сейчас часто говорят о кризисе чтения и поколении зумеров. Как вы это видите с профессиональной точки зрения?

– Чтение – это всё! Дети в наше время, действительно, особенные, родители часто не справляются, дают телефон, лишь бы не отвлекали. А трудиться никто не хочет. Учителям нужно памятник ставить, потому что в обычном классе порой сидят ребята, требующие коррекции, и надо найти к каждому подход.

Отрадно, что сегодня к нам приходят замечательные молодые специалисты. В нашей школе отлично работает наставничество, в рамках которого мы закрепляем за молодой учительницей опытного педагога. Это не просто рабочий процесс, а диалог – обмен компетенциями! Сначала опытная коллега обучает свою подопечную работать с дневниками, тетрадями, родителями. А потом мо-

лоденькая девочка, которая владеет цифровыми технологиями, приходит на работу на час раньше и помогает старшей с техникой. Получается тандем! Смотрю на это и радуюсь: умницы мои порхают от счастья.

– Вы тонко чувствуете, кому и с кем можно взаимодействовать, кто работает, а кто нет... А как обстоит дело с родителями учеников?

– Нужно научиться слушать и слышать. В нашей профессии без этого никак. Нельзя диктовать. У нас много учеников, за плечами которых семьи с определённым культурным фоном и мировоззрением.

Ситуации, как всегда и везде, могут быть разными. Но при любом спорном вопросе необходимо садиться и беседовать. Глаза в глаза.

– И последний вопрос. Как жизнь в Дагестане помогла вам реализовать себя?

– Нигде на свете я бы не нашла тех точек соприкосновения, которые обрела в этом чудесном крае. Представьте: ты хочешь начать благое дело, тебе нужны люди, поддержка, моральная и материальная. И здесь всё это есть! Здесь... стоит мне обратиться с просьбой, как слышу в ответ: «Да, Светлана Анатольевна, хорошо, мы поможем!» Я говорю, и слёзы наворачиваются, потому что настолько признательна нашей благодатной земле, нашему отзывчивому, сильно-му народу, что сложно сдержатъ эмоции. Да и не представляю никакой иной жизни. Судьба привела меня сюда не зря. Это моё место.

Беседовала Аида Бабаева

Илья БЕРЕЗИН

Сюльтанета

Илья Николаевич Березин (1818–1896) – российский востоковед, профессор, работал в Казанском и Санкт-Петербургском университетах. С 1842 по 1845 гг. путешествовал по странам Востока, Кавказа.

Находясь в Дагестане, он решил навестить знаменитую Султанат – дочь аварского хана, героиню повести писателя-декабриста А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» (1832), имевшей огромную популярность у читателей, несмотря на то, что в основе этого романтического произведения – вымысел, легенда, абсолютно искажающая историю. Под влиянием повести даже французский романист Александр Дюма опубликовал роман «Sultanetta» (1861).

В книге Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью» есть описание встречи с Султанат-бике. Автор записок увидел её уже в пору «отцветания», оставленную мужем, шамхалом Абу-Муслимом, взявшим новую жену, как нередко и делают многие мужчины всех времён и народов.

В путевом очерке Березина выражен взгляд на Кавказ имперца: субъективный, снисходительный, пронизанный стереотипами о Востоке. Но это очерк очевидца, который лично встречался с героиней и единственный оставил воспоминания, и поэтому представляет интерес для любителей истории.

Еще с начала моего пребывания в Низовом укреплении я желал осмотреть дом Шамхала, но каждый день откладывал свое посещение, потому что владетельница этого дома была в отсутствии. Я мог бы осмотреть дом и без неё, но мне, собственно, хотелось видеть не здание, а самую Шамхальшу. Странное желание, но всякий на моем месте возымел бы подобную мысль, когда бы узнал, что нынешнюю Шамхальшу зовут Сюльтанета и что она героиня повести «Аммалат-Бек».

Те, которые читали этот рассказ – а кто его не читал?! – конечно с прискорбием узнают, что Сюльтанета, та самая Сюльтанета, для которой Аммалат сделался низким убийцей, ныне покинута своим мужем, высокостепенным Шамхалом Тарховским, и живёт одинокая в шамхальском доме в Тарху. В моих глазах такое положение делало Сюльтанету ещё интереснее, и видеть её я имел одной причиной больше.

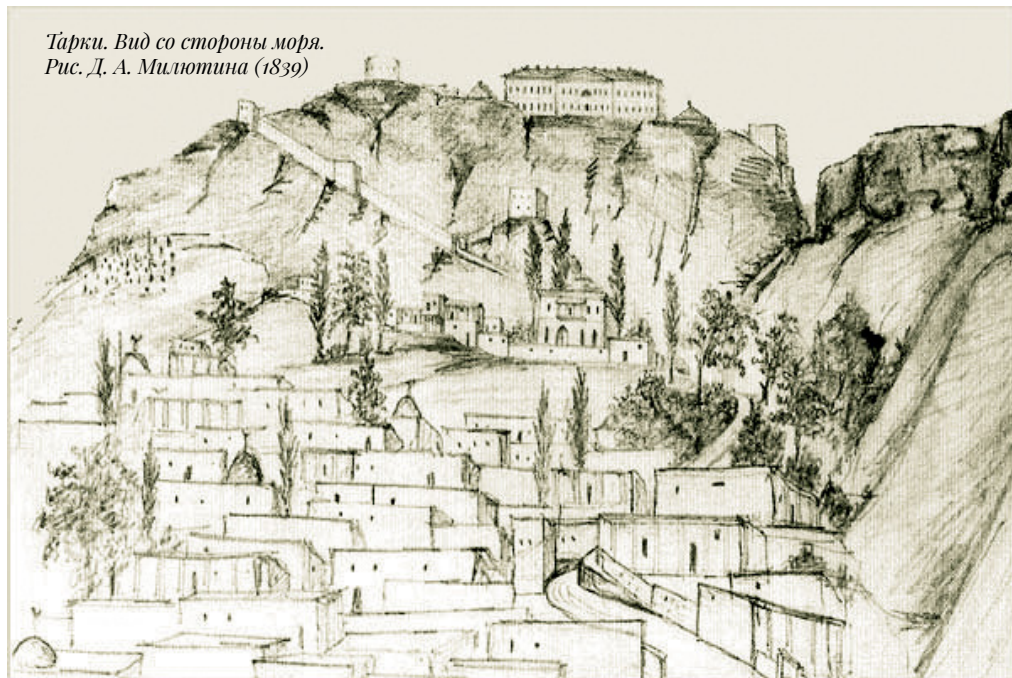
Но как нарочно к моему горю, Сюльтанета уехала в горы на похороны одного из своих родственников-беков и возвратилась в Тарху только нака-

нуне моего отъезда. Разумеется, я немедленно отправил к ней депутатом переводчика Низового укрепления и его красноречию вверил свою судьбу: короче сказать, я насильно навязывался на знакомство и под предлогом осмотра дворца просил позволения видеть и владетельницу его.

Сюльтанета сначала изъявила свое согласие, но потом раздумала и, жалуюсь на головную боль, отказалась принять меня. Известно, что все гяуры чрезвычайно упрямы: я приказал сказать гордой Шамхальше, что остаюсь до её выздоровления. Эта лесть или угроза – назовите как угодно – произвела свое действие: после долгих колебаний Сюльтанета велела просить меня к себе.

День был мрачный, солнце пряталось за тучами, и по временам накрапывал дождь, но ничто не могло бы удержать меня в эту пору. На сильном коне я понёсся в Тарху и вскоре очутился, в сопровождении переводчика, перед шамхальским дворцом. Мы сошли с лошадей и принялись за исторические исследования местности, в ожидании желанного приёма.

*Тарки. Вид со стороны моря.
Рис. Д. А. Милютин (1839)*

Дом Шамхала находится в верхней части Тарху и выстроен не совсем по-здешнему: это довольно правильное здание сложено из тёсаного камня, освещается правильно расположенными окнами с рамами и стёклами, и с фасада, перед которым растут тополи, очень похоже на европейское жилище; к одной из боковых комнат примыкает балкон. У главных ворот находится тюрьма – выкопанная в земле яма, в которую на верёвке спускают преступников; при мусульманском владычестве наказания были гораздо суровее, и восточные казни – ослепление и проч. – были в большом ходу.

На первом дворе находится между главными и вторыми воротами фонтан, или правильнее четверугольный бассейн сажен семь в окружности, покрытый навесом; подле бассейна лежит небольшой серый камень: это трон Шамхала, на котором он судит и рядит своих подданных, на котором и коронуются новые владельцы Тарху.

На втором дворе, расположенном в ряд с первым, находится с левой стороны продолговатая четверугольная комната также с бассейном, замечательная тем, что в ней Шамхал принимал Императора Петра во время пребывания Его в Тарху. Теперь эта комната стоит совершенно пустая, стены её закоптили, окна и двери заперты, но память Великого стережёт её и от людей, и от времени!

Вот наконец я очутился у третьих дверей, ведущих в отделение, занимаемое Сюльтанетой, и располагался уже войти к Шамхальше, как на вопрос переводчика «хазир-му» – готово ли? – слышу несносное «тохта» – погоди! Делать нечего: я должен был обуздать своё нетерпение и ожидать, пока приведут в порядок приёмную комнату Шамхальши.

Однако терпение моё не долго страдало: через несколько минут меня ввели к Шамхальше. В небольшой мрачной комнате, освещенной только одним окном, сидели, по восточ-

ному обычаю, на тюфяках, брошенных на полу, два существа. В углу у окна выставлялась на свету какая-то старуха, бедно одетая, что-то вроде дуэньи или компаньонки, а напротив её у дверей, или правильнее у окна в другую комнату, скрывалась в тени владелица Тарху, предмет неистовой страсти Аммалат-Бека, знаменитая Сюльтанета.

На мой поклон она привстала очень грациозно и отвечала милым поклоном, закрывая ротик кисейным рукавом рубашки. С головы Сюльтанеты падало большое кисейное покрывало, скрывавшее и костюм, и стан её: однако я успел заметить, несмотря на бесчисленные складки покрывала, что на ней надет шелковый архалук и туманы, и что стан её сделал бы честь любой красоте.

В то время, как я поднимал голову, в окне за Сюльтанетой мелькнуло юное восхитительное личико, настоящий тип горской красоты: вероятно, желание взглянуть на гяура привлекло это личико к окну, также как любопытство видеть Шамхальшу привело меня сюда.

Я осмотрелся вокруг и нашел, что для супруги высокостепенного Шамхала такое жилище очень бедно, а для героини романа даже неприлично! Пол устлан коврами, на стенах два небольших простых зеркала и маленький лезгинский кинжал с шашкой: вот и все!

Мне подали стул – первое нарушение восточного этикета. Я уселся и повел речь через переводчика: при моих слабых познаниях в кумыкском диалекте я не осмелился беседовать с Сюльтанетой на здешнем языке. Первым моим словом была чистая ложь: чтоб как-нибудь оправдать свою настойчивость на свидание с Шамхальшей, я пожаловал своих предков в татары, а переводчик, с свойственным ему красноречием, объявил Сюльтанете, что я татарского семени (тюхми татар).

Но первая ложь не принесла никакой пользы: Сюльтанете, по-видимому, не было дела до моего происхож-

дения, что впоследствии времени я нашел очень естественным.

Я попробовал изумить Сюльтанету с другой стороны – разом объявил, что я будущий «путешественник по Востоку», но и этот громкий титул лопнул в воздухе без всякого эффекта.

«Решительно у этой женщины умерли все чувства, или что-нибудь тяжелое лежит на душе», – подумал я, и от себя обратил разговор на здешнюю сторону, отозвался о ней не совсем с похвалой, на что и Сюльтанета согласилась. Это придало мне смелости:

– Я думаю, что вам здесь скучно?

– Да, я теперь скучаю. Прежде, когда в Низовом укреплении жила супруга коменданта, с которой я нередко делила время, мне было веселее: мы вместе ездили к морю, гуляли в горах, и жизнь шла незаметно.

Вскоре вслед за этим я раскланялся.

Первый опыт исследования восточной красоты был не совсем удачен: я читывал во многих путешествиях, что красота и молодость на Востоке быстро улетают, но не совсем этому верил, а теперь должен был согласиться, что путешественники правы. Сюльтанете около 30 лет, но похудевшее лицо уже носит признаки довременной старости: единственными свидетелями былой красоты остались выразительные чёрные глаза и гибкий стан кипариса! По восточному обыкновению Сюльтанета даёт своему лицу искусственную белизну и сурьмит брови, но это несколько не делает её моложе.

Конечно, неприятное положение, в котором она находится, должно было иметь влияние на её преждевременное увядание: Абу-Муслим, супруг Сюльтанеты, покинул её и женился на молоденькой девушке. Одинокая жизнь и безотрадная будущность гнетут Сюльтанету и медленно разрушают её здоровье: я делаю это предположение потому, что в разговоре Сюльтанеты замечен ум и некоторое образование, что женщина с таким взглядом на жизнь не может сносить равнодушно измену мужа,

хотя на Востоке это и в порядке вещей. Может быть, апатия возьмёт верх, и Сюльтанета привыкнет к своему горю! По крайней мере в настоящее время идол Аммалат-Бека очень угрюм и скучен.

Выходя из дому Шамхала, я видел на дворе детей Сюльтанеты, девочку лет трёх и мальчика лет семи: оба ребенка очень милы...

Дождь усердно орошал почву тарховскую, но я возвращался в Низовое укрепление медленно, погруженный в глубокое раздумье о горестном положении женщины на Востоке. Когда-нибудь я напишу по этому поводу длинную и слёзную элегию, только бы добраться мне до настоящего Востока.

По возвращении в Низовое укрепление мне объяснили причину, по которой Сюльтанета колебалась принять меня: говорят, покойный поэт Полежаев, при посещении своём Шамхальши, спросил её как-то неловко о любви Аммалат-Бека, а известно, что слово «любовь» изгнано из мусульманского хозяйства. Сюльтанета обиделась нескромным вопросом и с тех пор начала принимать приезжих с большими предосторожностями. Из посетителей разного рода больше ей по сердцу хакиды (доктора), и она даже лечилась у одного русского доктора. Вообще Сюльтанета живет теперь уединённо и скромно, потому что дражайший супруг даёт ей в частности очень ограниченное содержание.

Я не забыл навеститься у переводчика и о чудесном существе, которое мелькнуло за Сюльтанетой во время моего явления к Шамхальше, и узнал, что это одна из девушек Шамхальши и что в неё влюблен ... уж не «путешественник ли по Востоку», думаете вы? Нет, в неё влюблен младший брат Шамхала, но Абу-Муслим не позволяет ему жениться на ней, потому что эта девушка – не из знатной фамилии.

(1850)

Борис БЕРГЕР

Песня Гор

Когда мы с Таней Мун решили сыграть свадьбу, то сняли маленький домик с садиком на улице Загородная в Первой Махачкале. Это был самый конец города. Домик маленький через родственников сняли недорого. Вода во дворе. Печь угольная в первой комнате, которую мы обклеили картинками из журнала «Корея» и сделали инсталляцию «Уголок Ким Ир Сена».

...До центра города можно было минут за 40–50 дойти пешком. Интернета не было, и мобильных не было, и компьютеров не было, и простого телефона не было. А были 2 автобуса – 9-й и ещё какой-то.

В этом городе я женился, и через год у меня родилась дочь. Про нее и будет мой рассказ. Про дочь Алису и про то, с чего начинается Родина. Я положил жену на сохранение в пятницу, 23 августа 1987 года, и пошел покупать ванночку для купания малышки. После недолгих размышлений я выбрал чугунную ванночку за 8

рублей, а не пластмассовую за 26, что позволило мне сэкономить 18 рублей и купить на них 10 бутылок красного сухого, чтобы обмыть ванночку и снять нервное напряжение перед родами. Ко мне на помощь пришел Максим Гребешков-Гольденберг – музыкант, композитор, лидер группы «Поле Чудес», которая в тот момент была в Махачкале.

Чугунная ванночка оказалась очень тяжелой и очень большой, и поэтому было принято решение слить все спиртное в огромную хозяйскую компотницу. И мы наполнили до краев хрустальную бадью. Квартиру мы снимали на улице Пугачёва, и в этот ответственный момент ко мне в гости зашел Муслим Муслимов – покойный сын покойного директора «Дагэнерго». Он зашел проверить, как идет подготовка к родам, и был удивлён.

– А как же вы наливаете? – строго спросил Муслим. В ответ Макс, ухмыльнувшись, зачерпнул из хру-

стальной бадьи большой фарфоровой чашкой и молча протянул Муслиму. Мусик остался доволен.

И вот, в разгар этого напряженного ожидания рождения на свет нового человека, мы рассуждали. Я помню, что думал в тот момент, что детей мы рождаем из чистого эгоизма. Дарим им жизнь. Выпускаем в этот очень несовершенный, полный страданий мир. Дарим им жизнь, обрекая на смерть. Потому что так хотим. Потому что хотим любви. Хотим любить и хотим, чтобы нас любили. Бескорыстно и сильно будет любить новое существо своих родителей. Маленькое зависит от большого. Так устроен мир, в котором мы хотим продлиться и любить себя в своем продолжении.

Весь этот бред прервал телефонный звонок из больницы в субботу утром. Началось. Я побежал в больницу. Там, в приемном покое, я ожидал, волнуясь, в обществе огромного аварца, который тоже ждал результатов от своей жены. Моя родила первой. Точнее, это были не роды, а кесарево. И каждые 10 минут мне сообщали о происходящем. Спускалась медсестра и сообщала: «Разрезали». «Извлекают». «Обвитие». – Кто? – не выдержал я. – Девочка! Раздышалась! – радостно ответила медсестра.

– Лучше камень, чем девочка, – тихо сказал аварец, у которого уже было три дочери. И в этот момент в мире стало на одного человека больше. Я стал отцом. Мир изменился и наполнился необычайным смыслом.

Мы назвали дочь Алисой, подразумевая, что страна наша полна чудес и кроликов. Я помню, как кричал в истерике под роддомом, когда махачкалинская чиновница из загса отказалась дать нашей девочке двойную фамилию, сославшись на то, что для этого нужно, чтобы родители были знаменитыми.

– Мы будем знаменитыми! – кричал я пьяный и счастливый, и жене было за меня неловко. И началась новая жизнь.

В течение месяца нас приходили поздравить толпы людей. Это был непрекращающийся праздник. Кафе «Причал», в котором я когда-то работал грузчиком, прислало продуктовые дары от самого директора ТоргМорТранса. Мы накрыли стол и начали принимать гостей... Режиссер Русского театра Лелянова и её муж, актер того же театра Данилевич, учили нас купать ребенка.

И всем им, этим людям, мне хочется крикнуть через годы: «Салам!», потому что в этом мире хаоса самое ценное – это островки сентиментальной привязанности, на которых живут наши близкие и родные... Где вы, друзья? Где вольный ваш припев?/ Еще вчера, за столик наш присев, / Беспечные, вы бражничали с нами /И прилегли, от жизни охмелев!

Месяц мы отмечали рождение Алисы, и закончилось все грандиозным праздником под нашими окнами – в соседнем дворе Марина Матаева выходила замуж, и «Лезгинка» зажигала! Был невероятный праздник с танцами и песнями.

А через год приехал в гости мой двоюродный брат Игорь. Он был уже крутым бизнесменом и, посмотрев на махачкалинскую жизнь образца 1987 года, спросил: – А сколько вы еще собираетесь тут жить? – Ну, вот Алиса начнет ходить, – невнятно забормотал я в ответ. – Ходить? В школу? – спросил брат. И через два месяца мы уехали во Львов начинать новую активную жизнь.

Во Львов Алиса попала, когда ей был один годик, и пошла в украинский садик, а потом и в школу, изумляя и радуя старых бандеровцев своим чистым украинским языком, который они никак не ожидали слышать от черноволосой узкоглазой девочки. И росла Алиса в старинном городе Львове в удивительное время путчей и ГКЧП в атмосфере любви и свободы, в золотых лучах заката старого мира. В 1995-м мы уехали к моим родителям в Германию, и Алиса

поступила в гимназию. В результате сегодня родным языком для нее стал немецкий. По-русски она еще говорит, а вот украинский уже только понимает.

Какие-то польские ученые в шестидесятые годы вычислили, что по уровню психологического стресса эмиграцию можно приравнять к нескольким годам в концлагере. Теперь я понимаю, что они правы. Да – одиночество, да – язык, да – чужой мир, и сетчатка глаза не узнает привычные очертания любимого и начинает бесконечно слезиться, и многое другое, иное, тоскливое и несчастное, неразличимое в сумерках... впрочем, и сумерки тут другие.

Я уехал в Москву. И работал там – строил свое издательство «Запасный выход». Я жил тогда на Ленинградском проспекте в писательском доме, в квартире Андрея Георгиевича Битова, которую он мне любезно сдал во время нашей совместной работы. Большая просторная квартира, этажом выше Фазиль Искандер. Этажом ниже Белла Ахмадулина. С торца дома была Клиника головной боли доктора Вейна. Алиса приезжала ко мне на каникулы. Мы много гуляли по Москве, по выставкам, клубам, тусовкам, по той удивительной Москве на стыке тысячелетий. Потом дома вместе готовили ужин и смотрели кино и мультики.

Как-то к Алисе пришла ее младшая двоюродная сестра Лена, и они уселись смотреть мультфильм «Покахонтас». Обе девочки: и Алиса, и Лена – наполовину кореянки – были удивительно похожи на героиню мультфильма из какого-то племени американских индейцев. И вот там такой момент: Покахонтас говорит главному герою, красавцу-блондину, приплывшему на корабле из чужой страны: «А можешь ли ты спеть Песню Гор голосами ветра?» И герой растерялся. И тут Алиса говорит Лене: «А я знаю такую песню, я родилась в горах!» Лена, конечно, удивилась, но и я тоже. «Откуда ты

знаешь?» – спросил я. «Мама рассказывала, что я родилась в Махачкале, и я очень хочу туда поехать, ведь там моя родина. Есть же такое слово – Родина?» «Есть такое слово», – ответил я и весь вечер рассказывал ей про Дагестан. Про Уркарах, в котором жил, про Махачкалу, про то, как вкусно есть зеленые яблоки, сидя в порту на старом деревянном причале и бросая огрызки в воду.

Через неделю я провожал Алису в Германию из Шереметьево-2. Вместе с Алисой летел мой друг русский писатель Слава Курицын, и я был очень рад, что девочка летит не одна, и в аэропорту мы выпили. На паспортном контроле выяснилось, что у нее просрочен паспорт. Это был немецкий путешественный паспорт. Алисе было 13 лет. Все это вызвало подозрение, и таможня решила разобраться, что к чему. Что это за маленькая узкоглазая девочка с немцем путешественным паспортом. Курицын пропустили, а Алису задержали и устроили допрос.

– Кто ты, девочка? – спрашивает строгая таможенница. И напряжение ее голоса театрально растет от спокойного до почти истерического крика в конце допроса. – Я – Алиса Бергер-Мун. – Кто ты по национальности? – Вы не смеете задавать ребенку такие пошлые вопросы! – начал акцию защиты и протеста пьяный русский писатель Курицын, и мы ушли его в сторону. – Я наполовину кореянка, наполовину еврейка. – Где ты живешь? – В Германии. – А почему? – Мы там живем, у меня вид на жительство. – А тут написано, что ты гражданка Украины... – Да, я гражданка Украины. Раньше я жила во Львове. – А почему же тут стоит штамп Махачкалы? – разоблачительно визжит тетенька.

Алиса совершенно спокойно, с улыбкой смотрит тетке в лицо. – Поэтому что это моя родина. Знаете такое слово – Родина? Знаете Песню Гор, которую поют голосами ветра?

Недавно объявили победителей конкурса стипендий Президента России для аспирантов и адъюнктов. В их числе и аспирантка Сеченовского медицинского университета Аида Гаджихамедова. Она выпускница 4-й школы Махачкалы. Университет окончила с отличием, была старостой курса, а теперь продолжает учиться в аспирантуре в этом же вузе. Сфера ее научных интересов – кардиология. Аида Нурмагомедовна уже работает как исследователь в Институте персонализированной кардиологии под руководством профессора Филиппа Копылова. Мы поговорили с ней о возможности использования искусственного интеллекта в медицине.

ИИ – ТОЛЬКО ПОМОЩНИК!

– Как можно использовать искусственный интеллект в кардиологии?

– Представьте себе алгоритм, который за секунду анализирует миллионы кардиограмм – врач не прочитал бы столько и за всю жизнь. При этом ИИ не устаёт, не отвлекается и видит мельчайшие изменения, которые человеческий глаз просто не способен различить. Вот в этом – сила искусственного интеллекта. ИИ – это математические модели, которые находят скрытые закономерности там, где врач видит просто «ровную линию». Мы не пишем для них правила: «если зубец выше 5 мм – ставь диагноз». Вместо этого мы показываем нейросети тысячи примеров, и она сама учится отличать больное сердце от здорового.

– Может ли случиться, что ИИ заменит врачей?

– Нет. ИИ умеет быстро анализировать данные, но не будет отвечать за пациента. За ошибку никто не сможет привлечь к ответственности ИИ, а врача – да. К тому же компьютер не чувствует человека, не видит его целиком, не слышит жалоб. Поэтому ИИ – только помощник врача.

– Расскажите о реальных внедрениях именно вашего Института. Что уже работает?

– Наш институт разработал и зарегистрировал уникальный портативный электрокардиограф – он называется «КардиоКарта», весьма компактный, помещается на ладони. Пациент прикладывает два пальца к устройству, и через минуту алгоритм

выдает заключение. Главный прорыв в том, что по простой электрокардиограмме нейросеть рассчитывает сложные показатели сократительной функции сердца – раньше их получали только на УЗИ.

Точность впечатляет: систолическую дисфункцию алгоритм определяет с точностью 91%, а диастолическую – до 96,5%. Уже провели масштабный скрининг в Татарстане – проверили 15 000 человек с помощью двух наших запатентованных алгоритмов. Это позволяет выявлять скрытую сердечную недостаточность ещё на ранней стадии.

– А есть примеры, когда нейросеть помогает даже без кардиограммы?

– Есть. На платформе RetinAlcheck мы анализируем фотографию глазного дна. Сосуды глаза – это зеркало всей сосудистой системы человека. Нейросеть видит признаки поражения сосудов за годы до того, как у пациента случится инфаркт или инсульт. Это позволяет выявить людей с «маскированной» гипертонией, которые даже не подозревают о своей болезни.

– Возможно ли, чтобы искусственный интеллект помог избежать лишних вмешательств в организм?

– Да. В нашем Институте персонализированной кардиологии разработана технология виртуального ФРК (фракционного резерва кровотока). Раньше, чтобы решить, нужно ли пациенту ставить стент, врачи заводили тонкий датчик-проводник прямо в коронарную артерию – это инвазивная процедура, требующая госпитализации. Теперь достаточно сделать компьютерную томографию сердца с внутривенным контрастированием – это малоинвазивная амбулаторная процедура. На основе этих снимков ИИ строит точную 3D-модель сосудов и с помощью гидродинамических расчётов определяет, насколько серьёзно сужение нарушает кровоток. Врач получает чёткий ответ: необходим ли стент или достаточно лекарств. Всё – без лишних рисков и лишних дней в больнице.

– А как же точность? Вдруг нейросеть ошибается?

– Конечно, вероятность ошибки есть. У любого теста есть ложноотрицательные и ложноположительные результаты. Поэтому наша стратегия – непрерывный цифровой контур. Это значит, что алгоритмы не заменяют врача, а только подсвечивают «красным» опасные случаи. В Татарстане, например, после ИИ-скрининга из 15 000 человек отобрали группу риска и отправили на дообследование уже к кардиологам. ИИ не говорит: «у вас болезнь», он говорит: «этому пациенту нужно уделить внимание».

– Заглянем в будущее: что изменится через 5-10 лет?

– Массовый скрининг станет всеобщим. Портативные ЭКГ уже есть в современных фитнес-браслетах и смарт-часах, а следующий этап – оснащение портативными ЭКГ с искусственным интеллектом сельских фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов). Даже если нет кардиолога под рукой, умный алгоритм сам расшифрует запись и подскажет, кого нужно срочно отправлять в больницу. А сам прибор настолько компактный, что его можно брать с собой на дом к лежащим пациентам. Причём такие устройства, как наша «КардиоКарта», уже доступны для личного пользования – любой желающий может купить прибор и снять ЭКГ дома, без записи к врачу и очередей.

Но скрининг – это только первый шаг. Мы движемся к созданию «цифровых двойников» сердца – это компьютерная модель вашего конкретного органа, на которой врачи смогут проговаривать, «проигрывать» разные сценарии лечения: поставить стент или просто дать таблетки? Сработает ли препарат? Как изменится кровоток?

Однако при всех сверхвозможностях ИИ последнее слово всегда – за человеком, за доктором.

Беседовала Гульнара Асадулаева

Геннадий МАРКИН

Встреча

(в сокращении)

В основе этого рассказа лежит реальная история Магомеда Эфендиева, юного лезгина из с. Ашага-Цинит, который провел в Ясной Поляне под опекой Льва Толстого 4 года. Он был бездоказательно обвинен в участии в убийстве по кровной мести, которое произошло в его селе, и отбывал наказание в г. Крапивне. Толстой взял его на поруки, мальчик подружился с детьми писателя, они обучали его грамоте, учили рисовать, брали на охоту, а Магомед помогал по хозяйству и несколько лет был фактически членом большой семьи Толстых. Однажды приехал навестить его брат, и в честь почетного гостя по указанию сына Толстого зарезали барана, как принято на Кавказе. Впоследствии Магомед Эфендиев стал государственным служащим в Дагестане, писал картины, а также написал книгу «Я знал Толстого и его семью».

Автор рассказа Г. Маркин – майор внутренней службы в отставке, член Союза писателей России, краевед, знаток истории Тульской губернии.

... В один из жарких летних дней глава города Крапивны Юдин и его помощник по хозяйственным делам Магомед Эфендиев выехали из Крапивны на железнодорожную станцию Щёкино.

– Сегодня, Магомед, я на станцию за почтой еду с тобой вместе, а ты внимательно смотри и всё запоминай. В дальнейшем будешь ездить один, мне с тобой ездить некогда, я занят другими делами, – трясаясь в коляске и под топот конских копыт говорил Магомеду Юдин. – Паровоз с почтой из Тулы на станцию приходит один раз в неделю по четвергам утром. Ты бу-

дешь выезжать пополудни, чтобы всю почту уже успели разложить.

Магомед молча кивал головой, давая понять, что он всё понял, не переставая вожжами подстёгивать лошадей.

Получив на станции почтовую корреспонденцию, Магомед подошёл к Юдину, чтобы помочь ему сесть в коляску, но тот не спешил этого делать. Иван Григорьевич долго и внимательно смотрел куда-то вдаль, где по дороге, подняв пыль, к станции мчались два всадника. Вскоре они прискакали, при этом вначале один, с большой седой бородой, а чуть позже

и другой всадник, с небольшой аккуратной бородкой.

– Лев Николаевич, ну нельзя же так, в галоп-то?! – тяжело дыша, словно это он сам, а не лошадь, скакал галопом, проговорил второй всадник. Спрыгнув с лошади, он подбежал к первому, которого назвал Львом Николаевичем, и помог ему слезть с лошади.

– Ну, как тебе мой Делир? – весело спросил у второго всадника Лев Николаевич и ласково потрепал коня по щеке. Делир замотал головой и фыркнул.

– Лев Николаевич, вам же нельзя... дайте, я проверю ваш пульс, – при этих словах второй всадник взял Льва Николаевича за руку и стал смотреть на свои часы.

– Полноте, Душан Петрович, полноте! – проговорил Лев Николаевич, освобождая свою руку. – Всё это пустое. Я хорошо себя чувствую. А как тебе мой Делир? – улыбаясь, вновь спросил он.

Душан Петрович посмотрел на лошадь Льва Николаевича и молча развёл руками.

– Имею честь приветствовать вас, Лев Николаевич, и рад видеть вас во здравии, – проговорил Юдин и, сняв картуз, слегка склонил голову.

– Ах, это вы, уважаемый Иван Григорьевич, и я рад встрече с вами, – ответил Лев Николаевич и, сняв белый картуз, также склонил голову.

– Давненько, Лев Николаевич, у нас не бывали-с, – произнёс Юдин.

– В скорости, Иван Григорьевич, собираюсь посетить Крапивну. В аккурат после Петровского поста приеду по делам службы.

– Окажите милость, Лев Николаевич, личным посещением вашим ко мне. Супруга моя Лизавета будет очень рада встрече с вами.

– Непременно, Иван Григорьевич, непременно. А кто этот юноша, что стоит подле вас? – спросил у Юдина Лев Николаевич, указывая на Магомеда.

– Этот юноша – лезгин из далёкого горного дагестанского села, – ответил Юдин.

– А как же он попал сюда?

– Сейчас он мой помощник по хозяйственным делам, а до того находился в городской тюрьме.

Лев Николаевич с интересом посмотрел на Магомеда, а затем вновь повернулся к Юдину.

– А по какому же делу находился под стражею? – спросил он.

– По делу об убийстве своего земляка, – ответил Юдин.

– Вот как! – неопределённо произнёс Лев Николаевич. – А сможет ли он общаться на русском языке, если я поговорю с ним?

Юдин кивнул головой и повернулся к Магомеду.

– Магомед, с тобой хочет поговорить великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Он известен всему миру, – обращаясь к Эфендиеву, проговорил Юдин.

Магомед стоял молча. Он слышал о Льве Николаевиче Толстом. О нём много раз говорили арестанты, с которыми Магомед находился в тюрьме. Они рассказывали друг другу о том, что есть такой писатель, граф Толстой, который часто помогает арестантам, защищает их права, выступает защитником на суде. Знал Магомед и о том, что Толстой помогает простым людям, таким же бедным, каким был и он. От тюремных стражников Магомед знал о том, что писатель Толстой написал такие книги, которые читают люди во всём мире. И вот теперь, увидев лично писателя Толстого, Магомед растерялся и стоял молча.

– Знаешь ли ты грамоту? – спросил у него Толстой.

– Нет, – ответил Магомед.

– А хотел бы научиться грамоте? Хочешь ты научиться читать?

– Да, очень хочу, – ответил Магомед, хотя раньше об этом не задумывался.

Из здания вокзала вышел Душан Петрович, неся в руках сумку с письмами.

– Можно и в обратный путь, Лев Николаевич, – проговорил он, закрепляя сумку к лошадиному седлу. – Только умоляю, Лев Николаевич, не гоните в галоп.

Толстой повернулся к Юдину.

– Поклонитесь, Иван Григорьевич, от меня Елизавете Петровне и передайте детям вашим от меня пожелание доброго здоровья, – проговорил он.

– Благодарствую вам, Лев Николаевич, будем счастливы ожидать вас в гости, – ответил Юдин и вновь снял картуз.

Прощавшись с Толстым и его доктором Маковицким, Юдин и Магомед выехали в Крапивну.

Прошёл месяц. На барских угодьях и крестьянских полях созревали хлеба, и люди готовились к уборочной поре, когда Юдин вызвал к себе Магомеда. В кабинете, кроме главы города, находились начальник тюрьмы Воронцов, уездный исправник Галунский, полицейский надзиратель Воскресенский и, к своему удивлению, Магомед увидел Льва Толстого.

– Магомед, Лев Николаевич просит нас отпустить тебя с ним в Ясную Поляну обучаться грамоте, – проговорил Юдин, когда Магомед вошёл в помещение.

– Я очень хочу научиться грамоте, – проговорил Магомед.

– А не сбежишь ли ты, любезнейший, из Ясной Поляны к себе на родину, в горы? – спросил у Эфендиева исправник.

– Нет, не сбегу, – твёрдо проговорил Магомед. – Мне нельзя домой, меня там ждут мои кровники, они убьют меня за смерть своего брата.

– Вот! Это то, о чём я вам говорил, – глядя на всех, произнёс Лев Толстой. – Я служил на Кавказе и хорошо изучил черкесов. Магомеду нельзя возвращаться ещё лет десять, да и потом не всё ясно, что там может с ним

Магомед Эфендиев

произойти. Уверяю вас, господа, этот юноша из Ясной никуда не сбежит.

Полуденный зной усилился. Над скошенными хлебами, греясь под тёплыми солнечными лучами, громко щебетали птицы. От лёгкого дуновения ветра благодарно кивали своими тёмно-лиловыми головками красавицы-фиалки. Шелестя листвой, с деревьев падали спелые наливные яблоки и, ударившись о земную твердь, лопались, разнося по округе свои душистые ароматы. Из-за речки, со стороны Калинового луга, к Старому заказу медленно плыли воздушные паутинки, но, заблудившись в Абрамовской посадке, находили себе пристанище на пожелтевших от ранней осени деревьях.

Возле скотного двора пахло лошаадьми, от свежего навоза поднимался пар. Магомед убирался в конюшню, когда туда вошёл Лев Толстой. Он прошёл в денник к Делиру и дал кусок сахара. Стоявшая в стойле лошадь, вытянув губы, аккуратно взяла протянутый сахар и, завертев мордой, начала его с хрустом жевать.

– Когда идёшь к животным, нужно всегда захватывать с собой хлеб или сахар. Животные, как и все живые существа, любят ласку, а за вкусный кусочек всегда оплачивают добром, – проговорил Лев Николаевич, поглаживая лошадь по загривку. – А что, Магомед, нравится тебе у нас в Ясной?

– Да, Лев Николаевич, нравится, – ответил Магомед.

– Ну, тогда готовь лошадей для прогулки, – приказал Толстой.

... Прошло уже больше месяца с тех пор, как Магомеду разрешили проживать в Ясной Поляне. Жил он вместе с дворовыми людьми и выполнял работу по хозяйству, но в основном работал на конюшне с лошадьми. Общение с этими умными животными, уход за ними, их запах – всё это напоминало Магомеду его родной дом, где он, настоящий джигит, участвовал в лошадиных скачках, устраиваемых одним богатым его односельчанином. Свои навыки джигита Магомед хорошо показал и в Ясной Поляне, когда ему доводилось охранять помещичьи угодья.

«Теперь караул строгий, так что не только лесом или хлебом, но и за орехи и грибы мужиков ловят. А прежде за водку любых дров нарубить можно было», – говорил однажды Лев Николаевич жене Софье Андреевне, отзываясь о работе Магомеда.

Старшие сыновья Льва Николаевича всегда брали Магомеда с собой на охоту, да и сам Лев Николаевич часто брал Магомеда с собой на конную прогулку.

Проскакав галопом вдоль леса, Лев Николаевич и Магомед осадил лошадей и перешли на шаг. Вскоре, поднявшись на пригорок, остановились. Лев Николаевич долго смотрел куда-то вдаль, в поля, а затем повернулся к Магомеду.

– А как, Магомед, идёт твоё обучение грамоте?

Магомед вспомнил, как он долго не мог запомнить в азбуке буквы, и вместо ответа густо покраснел.

– Надо стараться учиться, – как-то задумчиво проговорил Лев Николаевич. – Если обучишься грамоте сам, то это есть только ступень, на которую должно становиться для того, чтобы идти дальше. Если взялся за дело образования, то осуществить его нужно не меньше, чем в масштабе всей России. Ведь народ безграмотен, живёт в темноте.

– А если я не смогу в этой темноте светить так, как это должен делать настоящий учитель? – глядя на Льва Николаевича, спросил Магомед.

Толстой повернулся к нему и внимательно взглянул на него своим пронзительным взглядом.

– Каждый человек – алмаз, который может очистить и не очистить себя. В той мере, в которой он очищен, через него светит вечный свет. Стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очистить себя, – проговорил он и, прищипорив коня, поскакал в сторону усадьбы. Время прогулки заканчивалось, наступало время работы.

Четыре года прожил в Ясной Поляне Магомед Эфендиев, и все эти четыре года он помнил сказанные Толстым слова о ступенях, достигнув которых человеку необходимо идти дальше. Помнил о вечном свете, который может светить только тогда, когда человек очистит себя.

Эти слова он шептал в 1910 году, когда со слезами на глазах шёл со станции Козлова Засека за гробом своего великого учителя. Они гулким эхом отзывались в горах Дагестана, куда после революции вернулся Магомед обучать грамоте детей, – вернулся, чтобы светить. Потому что так завещал ему его великий учитель Лев Толстой, с которым он, простой неграмотный лезгин Магомед Эфендиев, однажды случайно встретился на проезжей дороге у станции Щёкино.

Храбрая пленница и благородство императора

В те годы, когда горцы сражались за независимость, в рядах мюридов надев мужскую одежду, воевала девушка Таймасха Гехинская (Молова). Она родилась чеченском селении Гехи. Её отец всю жизнь мечтал о сыне – наследнике, продолжателе рода. И когда на свет появилась дочь, он дал ей мужское имя – Таймасха (или Таймасхан), словно пытаясь самой судьбе доказать, что этот ребёнок будет достоин носить имя воина.

Девочка росла, и имя действительно стало пророческим. Таймасха впитала в себя силу и волю предков, характером и отвагой не уступая лучшим джигитам. Но настоящая война ворвалась в её жизнь, когда погиб её единственный горячо любимый брат. Ей тогда было всего шестнадцать лет. Горе и жажда мести переплавились в решимость – Таймасха взяла в руки оружие и ушла в отряд мюридов.

В традиционном чеченском обществе война всегда считалась мужским делом. Женщины оставались в тылу, ухаживали за ранеными, растили детей. Но Таймасха нарушила все правила. Она облачилась в мужскую одежду, встала в строй и очень скоро доказала, что место ей – в первых рядах.

Таймасха великолепно знала военное дело. Её отвага и тактический ум были настолько очевидны, что воины избрали её своим командиром. В течение долгих десяти лет она успешно возглавляла отряд мюридов.

15 апреля 1842 года в Ингушетии, близ реки Большая Яндырка, отряд под общим руководством Ахбердил Мухаммада (впоследствии знаменитого наиба имама Шамиля) принял бой с превосходящими силами противника во главе с подполковником Сулимовским. В том бою сражалась и Таймасха со своим отрядом.

Силы были неравны. Отряд Сулимовского при поддержке регулярной милиции одержал победу. Таймасха попала в плен. В рукопашной схватке она была тяжело ранена ударом вражеской сабли в голову, получила два пулевых ранения, а ноги её были несколько раз проколоты штыками.

Но даже в таком состоянии Таймасха не сдалась. Почти потеряв сознание, она стояла перед врагом, готовая к смертельному поединку, сжимая в одной руке кинжал, в другой – шашку. Говорят, солдаты боялись к ней подойти и просто стояли в онемении перед вконец обессиленной девушкой. Только когда она упала без сознания на окровавленную землю, противники решились приблизиться.

Пленных отправили во Владикавказ. Там в военном журнале сделали запись о пленении Таймасхи. Этот журнал, повествовавший о каждом сражении на Кавказе, вскоре попал

в руки императора Николая I. Имя Таймасхи было ему знакомо – о ней уже ходили легенды.

Император отдал приказ доставить пленную чеченку в Петербург. Таймасху привезли в столицу под казачьим конвоем. Николай I спросил пленницу: «Если я отпущу тебя на свободу, ты прекратишь войну?». И Таймасха, глядя в глаза императору, ответила: «Войну начал и ведёшь ты. Если ты её прекратишь, то и я прекращу воевать».

Дерзкий ответ не разгневал монарха. Напротив, он был восхищён мужеством и достоинством этой женщины. А императрица подарила храброй чеченке золотую цепь, усыпанную жемчугом.

Таймасха провела в Петербурге три недели. 4 октября того же года она была доставлена в Ставрополь, а затем – в крепость Грозную. Несмотря на то, что родное село Таймасхи было недалеко, домой её не отпускали. Она обратилась с прошением, в котором сообщала о своём желании вернуть подаренную ей императрицей золотую цепь и получить из казны её стоимость.

Эта просьба вызвала большой переполох среди кавказского начальства и дошла до императора. Он распорядился оставить цепь у Таймасхи и выдать ей из казны 200 рублей. В конце концов ей было разрешено вернуться в родное село Гехи.

Документы, повествующие об этой храброй женщине, до сих пор хранятся в Государственном историческом архиве в Тбилиси. Таймасху Гехинскую помнят в её народе, о ней пишут статьи, книги, снимают сюжеты.

Подготовила Гульнара Асадулаева

Фото Камиля Чутуева

Фото Казиахмеда Абдухаирова

ИНДЕКС ПН023

4 651116 280082

Свободная цена

6 +